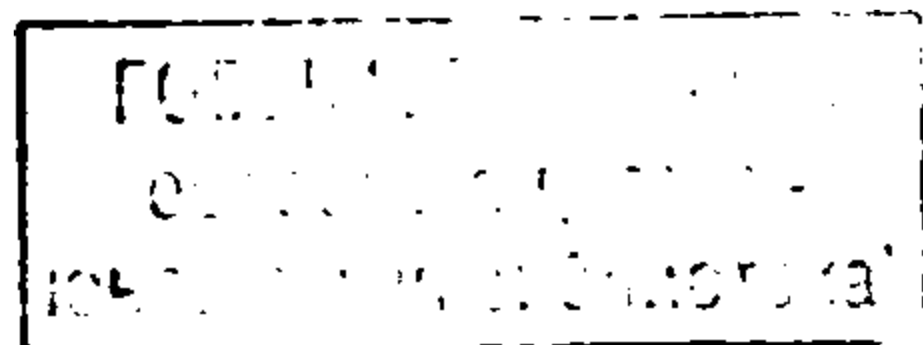

ИВАН ФИЛІПЧЕНКО

Р У К И

СТИХИ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
„КУЗНИЦА“
1923

I

Т Ы П О Б Е Д И Ш Ь

РО СО ФЕ СО РЕ.

Весы и метр и микроскоп науки,
И властный разум, радостно вздыбя,
Громадой толп на пьедестал тебя—
Вскрылят твой мозг и сердца перестуки.

И в бой былинный втопчется тропа,
В разгул громов, в разлет снарядных груш:—
За взмах зовущий, зычный, дивен, дюж,
Взмах накрест молота, серпа.

И за тобой страны любой народ,—
Глаз не сводя, как с солнышка подсолнух,
С дел беспримерных и величья полных,—
Не затворит бессмертия ворот.

И вычеканит вечное искусство—
Поэмы слово, звук, палитра, стык,—
Весь подвиг твой, всех пыток тусклый крик,
И оргию, и огненный искус твой.

Ты на земле Кольцо Кремля.
И башнями созвездья раня,
В стенах, как в алом океане,
Взметаешь волны —
И руля из рук не выронишь заране.

В мирах видений,
В молниях мира с высот мы не сойдем назад,
Леса, подмости под ногой у нас шатаются, дрожат,
А мы венцы вершим, возводим этажи среди сражений,
Рискуя провалиться в ад,
Мы, окруженные врагами, всходим выше на ступени,—
В сердцах—энтузиазм, набат.

Слышатся песни,
Напрягаются мускулы,
На стенах копошимся как черви,
Как муравьи все серы и тусклы,
Но движение в каждом нерве,
Каждый вздымает кирпич поотвесней,
Как сердце, облитое кровью, сжимая кладет,
Как сердце, что бьется, в знаменах живет,
У каждого сердце в руках,
Мириады сердец ложатся,
Стены из сердец, чувством спаянные на швах,
Ни единого здесь тунеядца.

Бедны, босы,
Но к Заре,
Мы,—по Ро, Со,
Фе, Со, Ре.

Мы,—кто молод,
За кирку
И за молот
По гудку.

За топор,
Лопату, лом,

На простор.
На бой, -- впролом.

Мы, — рабочий, командир. —
Дом наш отчий,
Дом наш мир.
В пушки, в танки,
В пулемет
Все крестьяне и крестьянки.
Весь трудящийся народ.

Гнет угрюм,
И руки стран, --
Рук самум,
Рук ураган, —
Чрез ночлеги
По Европе
И в разбеге,
И в галопе
Все к тебе.

Слей в кулак,
В девятый вал,
И — вот так.
Ты в борьбе,
Щады нет.
О, Интернационал,
Наш Тебе привет.

За тобой страны любой народ, —
Глаз не сводя, как с солнышка подсолнух,
С дел беспримерных и величья полных, —
Не затворит бессмертия ворот.
1919 г.

Т Ы.

Цари царей и рыцари цариц,
И короли с коронами померкли,—
России руки влоск владык повергли,
В погромный пламень былей, небылиц.

Банкиры, бары и попы мздоимцы,
И потогонцы в оргиях сгорят,—
Всех ярусов ревет пролетариат:
Со сцены вон, в преисподнюю родимца.

Так высвободить коммунизм из камня,
Так высечь из гранита и огня
Ты ратствуешь, как вихрей восьмерня,
Ты,—миру танк, таран и тарарамня.

Но ты и зодчий, превзошедший бога,
Художник—перед кем и бог убог,
Поэт—чей вечен дивных дел пролог,
Скульптор стостыкий лика волевого
И музыкант громарь единомног.

Ты вздрогнул от востока и на запад,
Ты север взгромоздил, волнуешь вьюгой юг,
Ты грандиозный Еж, кого ни тигр, ни лев не влапят,
Ты -- как задрожженое тесто, пекарем брошенное на под,
Дыбишь новый мир
И бросаешь его на хапуг.

Подымайся, как ветер, как ветер подымается на рассвете,
Подымайся, как пожар земли, горящими волосами на голове,
Как землетрясение, горы гоня перекасти-полем по мураве,
Как нож гильотины над самим палачом в бреде,
Ты—Революция Всемирная,—всесозыдающая ладонь,
Снимай хомут с шеи труда и впогонь, впогонь
За государствами в огненном плече.

Выходи из подполья, планетарий—коммунист,
Выходи, чью, скаля зубы, семью обкрадывает буржуй,
Выходи, чьи мозоли сочатся сукровицей из-под чешуй,
Выходи, чей хребет гнет в обруч пьявкою покрасневший хлыст,
Эй, шахтер, сердце угля и металлист, мозг металла,
Эй, кочегар, коренник паровоза, скачущего по рельсам вдаль,
И ткач, тучегон ситцев, от станка отчалъ,—
Клясться на площади: править планетой алой!

Встань, вождь Европы, под воздетые руки масс,
Встань, вождь Америки, под знаменные тучи краснообразия,
Встань, вождь на циферблат часа двенадцатого Азии,
В глубь труда войди, как в воду водолаз—
Собирать пролетариев, точно жемчуга,
И подсчитывать на счетах силу стремительного битюга.

Флюгерами на башнях рабочих высот
Сделать жест указательный станьте,
Вы—мироворот,
Ловче в лоб Антанте.

Насильники—страны оголяют по уговору,
Как полконицам плечи, груди и чресла:—
Так любовницам легче ходить безжезло,
В подзатыльники раны получать от сутенера.

Динамитная идет Москва —
Шаг жесток, груб и храбр,
Коминтерн обездоленных голова,
Голова — Октябрь.

У врагов по спине
Мороз и мурашки, —
Кошмар на простыне
Ночью вверх тормашки:

Отворяет Совет
Железную дверь
Чрез тысячи лет,
Чрез горы потерь,

Капитал бездобро
К ней ухом приник —
Ждет штыка под ребра,
Замахнулся штык:

Все поднять на взлет
Октябрем зараз —
Бьет
Час!

И будет бой, как смерч — неотвратим,
И будет брань, как смерть — неотвратима,
И побежденных смердь — неотвратима
И порожденных смерч — неотвратим.
1920 г.

ГОЛОВА.

Растет глумец, бичей ременных спец,
Растет багрец, идей зажженных драма:
Вмиг хлама не взвести в гиппопотама,
Вмиг шрама не сскрести, — на лбу рубец.

Но будет мозг во век — непримирим,
Но будет голова — непримирима,
И мысль, как жернова, — непримирима
И дух, как гнев калек, — непримирим.

Твой огненный Триумф идет взволочь.
По царствам стран Триумф пожары вздыбить,
Достойно твой Триумф на скалах выбить,
И на трактах троп Триумф уж блещет в ночь.

В оковах тюрем твой гений не корявел,
В багровых грезах плах и гильотин,
Топор толмач был страж твоих седин,
Палач тапер не смерть играл, но славил,
Не в гроб тебя срубал нежданно.

Бессмертная, — в пыланьях алых марс,
Бессмертная, — внутри в каналах марса,
Величье ты! во львиных космах Маркса,
Величье ты! во днях водитель Маркс,

Ты — в созидании безымянна,
Ты — чье упрямство буйволиное, бычье.

Нет, — не на блюде ты, как у Иоанна,
Нет, не Саломея госпожа твоя,
Полушарие — твой пьедестал средь мириад зверья,
И пролетарии — тело тебя носить обуянно,
И революции — путь по крутым уступам бытия,
И безумный бег тысяч тысячелетий —
В рдяном твоём декрете.

А вокруг волос твоих — государств рой ореолом,
Обручем млечным звездным вести свои качелят,
Череп твой, череп голубой миросвода, где мысли не челядь,
Но исступленные армии, равные трудоупорным монголам,
Но сонмы солдат, разбушеванных в прикрытиях лба, —
Триллионами трав взросли пустыню в поля возделать,
В об'ятья бросить поля и хлеба,
Заводы и фабрики босоголым.

Из Ворот Славы, твоего угрозного рта,
Вот! меж горящими дугами губ, точно дивные радуги,
Вот! по заграде зубов, как камням порогов Днепра и Ладоги,
Строем стремятся, мерным маршем на города,
Красных идей дивизии в обмундировании слов.
Им два луча твоих глаз, как невиданные прожекторы,
Два маяка штурмоночие, океанов, морей и рек дары,
Тоннели сверлят световые во мраке веков.
Как ножниц смыканье, — шаг мыслей остр и строг,
Шаг в шаг, —
Черным циркулем тени от ног.

Твои брови, брови, — как вещих весов коромысла,
И властная складка меж ними, — то стрелка в качании чаш,
И страстная схватка их хмурит, — то сделка с рычанием чаш,
О, до крови, до крови, стоя псов нас грызла.

Твой голос — хор громов железных,
Это бурь безудержных цуг по дорогам в ревенях,
Это тысячи труб восстанья, это вскрикнули каменья,
Он гудит над врагами распластанными в багряных безднах
Он водительство красноармейцев войсками,
Как самум, — как самум песками,
Их шлет на штурм цитадели Белых
Во всеземных пределах.

О, голова,
Ты — солнце во вздыбленной шевелюре лучей,
Ты — одуванчик огненный грандиозный в шевелюре лучей.
И ромашка титанная твой лик в лепестках серебристых мечей,
И подсолнечник лик твой в золотых лепестках мечей.
Ты — солнце-спрут с несметностью щупальцев пальцев рук,
Ты — солнце-медуза, все можешь несчетностью черных рук,
Каких не имели ни барин, ни барчук,
На горле, как клещи, чувствуют барин и барчук,

Земной полуглобус в лесах воздетых рук,
Океан гудящих толп ураганом напряженных рук, —
Тебя, голова, над собой подымает,
Тебя, голова, над собою качает,
Как знамя борьбы, испытавшее сроки разлук,
Как молнию туча, — воочью.

И держав рабочие
Голос родства

Неумолчно слышат, как Великая Россия,
Свергнув иго капитала Батяя,
Ведет вселенную Вселенной Голова:

Г о л о с а:

Любой готовь себя, готовь и сына,
Жену, друзей, ворвется вдруг резня,
Имей броневики, дредноуты, мины,
Патрон пехоте, коннице коня.

Плечо к плечу на всей планете
К герою становись герой,
Взводи курок из-под хозяйской плети,
Хозяин ты, добро свое отстой.

Готовься, слышишь труб раскаты,
Готовься, Марсельезу поют,
Республика пролетариата
Освобождает труд.

И давит Кремль врагов стеной,
Как давит шею каблук,
На восток и запад блещет грозой,
Грозой на север и юг.

В Европе стадном загоне
Предгрозье рождает ужас,
И смотрит из-под ладони
Палач, напряжась:

То солнце иль голова
Поднимается на востоке:—

В лучах знамен идет Москва
Земле назначить сроки.

Гвоздит подошву острый терн,
Продвигает ноги едва:
Дорогу указывает Коминтерн,
Компартии голова...

Ведь рабой, Голова, приколена,
Пред дыбой, Голова, была вся земля.
У руля, Голова, корабля Кремля,
У руля, Голова, руки Ленина.

И мозг его во век - непримирим,
И на смерть голова непримирима,
И мысль, как жернова, непримирима,
И Дух, как гнев калек, непримирим.

1921.

КРАСНОЗВЕЗДНАЯ.

Ты пеньем перьев жутких журавлей
Взлетишь в лазурь на страшные высоты
Оттуда сдвинешь динамит помета
На темя туподушных „королей“.

Ты вымчишь танки тысячью чудовищ
В безумный бег стадами до границ
И плюнешь чугуном — и враг поляжет ниц,
И всхлипнет воздух, вздрогнут злак и овощ,

Ты грозно ринешь реи, мачты флота —
Лес крестный, у кормил не капитаны — смерть...
И в море будет — гром, и в море будет — смерч,
И в море — грудь продавишь живоглоту,
И в гроб вмуруешь смердь.

Потоп копыт с подковными зубами
Ты буреломно вздыбишь в дикий шум,
Лбы кони запрокинув, как самум,
Стремглавой конницей в багряной драме
Врага — в изюм,
Чтоб рухнул капитала облик хамий.

Твоя пехота безудержной площадью,
Горизонта громадного всем полукружьем

В бешеных, рыжих тучах пыли, молниях оружия,
Ураганом рванется, врага прожалив ощутью —
И закаменив на месте...
Не трильоны патронов — ее полетят сердца
В кости господские саранчей свинца
Без мести.

И это будет.
И это будет, если вдруг утроят
Набатный звон зловещий: „Вам война“.
Металлом раскаленным тех обмоет
И кровью Красной Армии страна.

Тебя слава венчала,
Твоя слава векам,
На теле капитала
Смертельный выжжешь шрам.

И волосы живых зашевелиятся,
И кости перестукнутся в гробах,
Когда красноармеец тунеядца
Раскроет план: запарить нас в рабах.

Тебя слава венчала,
Твоя слава векам,
Оружье на орала
Перекуем сынам.

Огонь сторожевой, красноармеец,
Тебе рабочее царство руку жмет.
Рабочий и крестьянин — европеец
Приветствуют тебя, солнцеворот.

Слава, слава, венчала
Победителей, вас
Расплавит на орала
Мечи, рабочий класс.

БОИ БАРАБАНА.

Бедноте бездольной бью в барабан я
Бью огрубелый в бранных боях:
Там тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там — таратайка — мертвый прах.

Солнечный диск догорает средь неба зловеще.
Тени легли, как валежник лесной и жутко скрестили,
Точно четкой пролокой по земле предметы и вещи.
Мы и знакомых едва различаем — где будем, где были,
Мы окованные горизонтом из коней и орудий, —
До единого враг нас обрек на погибель.
На эшафоте, на дыбе, —
Смерть в саван наши кутает груди.
Мы хрипим, враг делит пожитков наших прибыль.

Саван свой белый, шатер облаковый
Тихо со звезд опускает над нами
Пальцев когтями схожих с подковой: —
Рубище гроба, могильную смердь
Черная смерть
Опускает над нами...

Бедноте бездомной бью в барабан я
Бью обреченный в бранных боях:

Там—тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там -- таратайка -- трупный прах.

Разве между нами нет бойцов былинных?
Нет вождей, влюбленных в боевой народ?
Нет героев ратных, нет сердец львиных
Силы-ль недород?
Есть, о есть,
Бесстрашные, как громоотвод.
И врага и молнию разнести
Рвутся.
Так вперед!

Так вперед без оглядки на кровлю жилища,
Без оглядки туда -- на невесту, жену,
Прочь привязанность— станешь рабом иль нищим,
Прочь занятие мирное,— все к рожну.
Прочь искусство (на время),
Когда враг нам целится в темя.
Защитим черепа.

Бедноте бездольной бью в барабан я.
Бью обагрённый в бранных боях:
Там—тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Таратайка трон там,— тертый прах!

Ты воспрянул я вижу,—вставай.
Ты же встал—двинь железный шаг.

Ты шагнул, — ну ступай.
Ну, стремглав! Ну, где враг!

Ты винтовку берешь, ну, бери.
Ты топор, ну бери и топор.
Ты — садись на коня до зари
Ты — веди пулеметом сговор.

Ты, товарищ, седлай моноплан, —
Будешь коршуном, вычтешь цыплят.
Ты — орудий парком на вражий стан.
Ты — тревожь, как зовущий набат.

Все вы здесь?
Готовы? Гневом обуяны?
Ринетесь стеною, дробью барабана.
Каждый через труп врага перелезь.
К оружию всей рабочей страной!
В бой!

Бедноте бездомной бью в барабан я.
Бью обезумев в бранных боях: —
Там тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там — таратайка — мертвый прах.

1918 г.

ПОЧТИ ЛЕГЕНДА.

Ты ухо приложи к полям: послушать вой,
Ты сердце вдвинь туда: чавк челюстей повызнять,
И лбом прильни — укор воображенью вспрыснуть,
И весь прильни — внять шелест гробовой:

Отчи — и — зна!

Ты бурю проводов запри в грудной тупик,
Ты радио сведи монопланым стадом с неба,
Они прогремят напев, как вополь ишака и зебу,
Они околуют рты, издающие жуткий крик:

Хле — е — ба!

Безумье, бред веков воплотились: Поволжье — ад
В сто тысяч верст квадратных пламени и пыток,
И земля — могил кротовины, точно кочек вытык,
И стоят погостами — поселки беззаконных хат:

Бра — а — ат!

Там вода: огонь, чума, — на погибель чек,
Ни одно крыло на воздух птиц вздымать не может,
И падали давней деснами ветры скелеты гложут,
И сварено все и выкипело все от нив — до рек,
И смерть в грудь края коленком давит и пустыню множит.

Там дети — у бездыханных, чье тело сизо,
На земле, как шары стеклянные, матерей, отцов, —
У трупов, стоя на коленях, молят масками хлеба, сосцов,

Лежат на них, как на изголовьях, обняв руками сверху и снизу
Без голоса и стез, точно изваянья трагических резцов,
Дети русского, татарина, чуваша, киргиза.

Там вихрь тысячеревный ночью посдуд, как пушинки, крыши,
Грубо стропила сорвал и повыворотил потолочные бревна,
В облака охапкой унес оттуда прыгнуть пляской матчиша,
На полумертвых, лежащих влоск на полу поголовно.
Пусть сквозь кожу, как пленку летучей мыши,
Пусть прутья костей просвечивают, торча неровно,
Распутицей припертые захлебнутся в жиже,
Дожевывая на погосте саван на натуре.

А завтра под миросводом бескосмой лазури,
На круглом просторе, как на тарелке титанической,
Клячи в плуг впрягутся, кузнечиками шагать мученически.
Чуть ступать будут пахари, как воск от мякинной тюри,

Лицом к восходящему солнцу.
Лошадки — на колени, о землю лбом, точно огнепоклонцы,
Сеятели — грохнутся в обмороке, глаза зажмуря.
Кто выпил вековое здоровье,
Вашу силу слоной
До донца?

Край родимый, Европа тебе смерть сует.
Край голодный, Америка „под ручку“ с смертью
По дороге до красных твоих ворот,
Опираясь не палкой, не жердью, —
Опять на пулемет.

Ты вспомни: кормила весь мир
Вселенной кухня-Россия,

Ныне мрешь—так хочет банкир,
Ныне мрешь—хочет буржуазия.

Гулом гаубиц это она
Разметала, как метлами, тучи
Над Волгой смятенной, зыбучей:
Землю шла отбирать, сатана.

По ее желанью на нас
Замахнулся арканом ужас,—
Блокадой на царство масс,
Мы мрем, но стоим, напряжаясь.

Умираем, но видим вблизи
Коммун лучевые чертоги
Брат, живи! Рабочие Запада—врысь!
Брат, дыши! Добегают к нам на подмогу!

Палачи, к Поволжья товарищам,
Вам поставлен на взвод курок, плуты.
Поставлен на взвод глазом шарящим.
Будьте прокляты!
Будьте прокляты!

1921 г. -

БЕДНОТА.

Как ветви леса, тянутся их руки,
Над нами образуя грозный свод
Из кистей, пальцев желтых, точно нод,
Их устремленных лиц глаза, как люки.

В чаще глухой, чем дальше, тем огромней
При свете фосфорических их глаз,
Себя кляла ты и клялась не раз
На камне камня не оставить — вспомни.

Ты в землю зарывалась, в рудники,
И там твои подземные скитальцы
Искали злато — кольца лить на пальцы —
И камни, как созвездий огоньки,
На пальцы их, — когтистые крючки.

Ты — прообраз солнца,
И солнца не видишь,
Для тебя оно град невидимый Китеж,
Ты сила сил, а зовешь оборонца
И всегда на свою погибель.

Вечеров вблизи и вдали былъ,
Ночей искрометная маска, —
Огни синелунных шаров, словно звездный каскад,
Пылание тихое ламп, мерцанье каминов, лампад,

Ты зажгла своими руками.
Да будет свет, огня полуночная пляска,
На радость и счастье в космическом храме,
Но пока вертепе стыда, торгашей и убийц,
Перед кем века склонялись ниц.
Да будет свет, а сама во мраке живешь.

Ты за медный ломаный грош
Несчетностью согнутых спин,
Шевелишь миллионами рук, миллиардами пальцев.
Стольких нежных страдалиц, кротких страдальцев,
Где все, как одна, все, все как один,
Все единым взмахом, единым жестом,
За скудный хлеб, кочевые, обреченные переездам,
Обувают властительных, одевают они именитых,—
„Да будет красота!“
Но воск на рабочих ланитах,
Кандалы на ногах, на плечах одна тяжесть креста,

Рассвет и день под палящим солнцем, до ночи,
Льешь пот на чужом лугу и на поле,
На фабрике душу дробишь до безумной боли,
На заводе кромсаешь кости неумолимей, жесточе,
Погребаешь себя на дне шахт юга,—
Доколе, доколе, доколе!
„Да любите друг друга“.

Ты прообраз солнца
И солнца не видишь.
Для тебя оно град невидимый Китеж,
Ты сила сил, а зовешь оборонца
И всегда на свой капут.

Твой творческий радостный труд,
Твой труд обязательный — жить поденно,
Твой труд непосильный, труд потогонный,
Твой труд кровавый,
Потрясающая твоя смерть,
Разложение растертого тела, смердь,—
Черни трепетная забава.
В коллизее Рима.

Кем ты хранима,
Чья ты забота,
Чья огнепламенная ты поэма.
Кроме меня,—
Немо, немо.

Я поэмы спою о тебе, моя мать,
О твоих красных витязях песни, былины,
Красных богатырей, как сражалась рать,
Как назад не вернулся из них ни единый.

Я былины сложу,
Я сказанья скажу,
Как борцов погребли у стремнины.

Как на бой поднялась ты за бедных сынов,
Искалченных долей железной.
Я во тьме гробовой, в молниях слов
Звал на бой,
Поднималось солнце над бездной.

Снова миг наступил,
Снова пробил час,
Собрать в исполинские армии тыл,

Ураганный порыв миллионных масс,
Против класса класс,
Силу против сил.

Ты, ты победишь и правда за нами,
И свобода, равенство, братства свет
В титанической беспримерной драме
Родятся на тысячи тысяч лет.

1918 г.

БУРЯ.

Безумным бегом буря мчится вдаль,
Изгибом гордым запрокинув шею,
Вонзая в небо космы, точно змеи,
Витые колья, серую спираль.

Бушуют дубы, в дуги гнутся ивы,
Срываются стропила кровель хат,
Табун летит по степи, вздыбив гривы,
Метая ржанье, дикие призывы,
Как труб тревогу, конских горл набат.

И облаков стихийные порывы,
И пыль, как облака, со всех дорог,—
Все в бешенстве, круженьи, пляске фурий,
По голубой сухой лазури
Бежит не зная, где рубеж, порог.

И вижу я—
На синеву зенита
Властительно врывается орел
В размахе крыл, безудержно, открыто.
Круги чертя, разрезал, распорол
Средину туч, как легкая ладья,
Вдруг крылья в небе распластал
И стал

Недвижно в бурю, точно Знак векам,
Точно символ явленный полкам
Милльонных масс, кем Шар Земной об'ят.

То образ твой, титан пролетариат
Венчанный славой.
То образ твой, двойник.
Как он — ты величавый,
Как ты — орел велик,
В оружии когтистой оторочки.
Как Ты, —
Простерший крылья правоты,
Средь бурь паришь на беспримерной точке.

1913 г.

КАБАК И ХРАМ.

Кабак и храм, религия и пьянство,
Разгул и литургия на вине
Века в безумном танце окаянства,
Века веков на трудовой спине.

Ослабнет храм—кабак остепенится,
Храм торжествует—пляшут кабаки,
Дрожат за половицей половица,
Хрипят, как горла, стонами тоски.

Здес пьют,—глуша угрозы ада
В руках попов, страшнее рук Малют,
За ропот на судьбу в отрепьях стада,
За жалобу, что Лазаря поют.

Пьют—заглушить отчаянье бессилья,
Что королями Братства идеал
В крови затоплен и развеян пылью,—
Царит кармана яростный оскал.

И в храм бегут безудержно и дико,
Городовым гонимые с дорог,
Полицией безжалостной владыкой:
Вам простецы
Тюрьма иль бог.

Мужчины, женщины, юнцы, —
В костелы, храмы, пагоды, мечети
Бегут по окончании работ,
Не отдохнув, не смыв соленый пот
За столько гробовых тысячелетий.
Им помогает бог голодным быть,
Обремененным, голым и разутым.
Их крови огненную нить
Высасывать пиявкой, спрутом
Благоволит родившимся в „сорочке“.

Бегут они, бегут по одиночке
И толпами яремные рабы,
Дугою вскинув брови, сморщив лбы,
Перекошены болью, стыдом без конца.
Вместо одежд на плечах оболочки
Старых лохмотьев неподпоясанных, рваных,
Бурей разметаны волосы, порваны горем сорочки
Обреченные, в ранах,
Зрячего нет между ними, преступника, вора, глупца,
Нет остановки, нет поворота в стороны или назад,
Всюду пустыня для них, не цветет ни единый сад,
Тучи над головою и громы „отца“.

И иная печали печальней картина:
От обеды в пасть кабакам,
Утомил обещаньями райскими храм,
Потянула водка на отдых за полы, невинно.
Бегут — одни смело, искусной повадкой,
Идут другие — с запинкой, раздумьем, шатко,
Третьи — стремятся украдкой,

Т р е т ь и.

— Чтобы с голоду нам недохнуть,
Как скот, шеи раним за хлеб,
Нет работы — тюремный склеп,
Умереть, ослепнуть, оглохнуть.
Чтоб изжить пламень мук — Бога молим,
Чтоб усталость изжить — водку пьем, —
Душу вымотали чужим полем,
Силу — фабрикой, шахта — наш дом.

Ч е т в е р т ы е.

— В рудниках, где все, все проклято,
Каторжане несметностью масс,
Добываем серебро и золото
На храмы, на иконостас.
Извлекаем серебро и золото
Покупать рабов королям.

Но раздастся удар набата
И спрут — златоглавый храм
Разомкнет свои щупальцы кольца —
Ни единого богомольца
Не останется там.

1913 г.

Оглядываясь широко глазами, точно за ними погоня,
Гром разразился, в спину целится молния, —
В дыме, огне
Литургию иную свершать на вине.

А те, кому душу, как свечку, задули,
Кто на ад наплевал, на рай рукою махнул,
Кому стал совсем непосилен труд, —
Те на перекрестках сладострастно, зазывно ржут,
Окликают прохожих, доступностью жгут,
Судорожно поводя для показа
Бедрами, толстыми крупами,
Снуют вереницами, группами,
Даря обещанье один, и два, и три, и четыре раза,
До семи.
О, только возьми, возьми.

Первые.

— Сплетемся в одно звено
По наемному согласью,
Поровняет, мешая с грязью,
Нас вино.

Вторые.

— Мы будем одно—и двое,
Нас свалит вино огневое,
Его из нашего хлеба курят
И труда,
Нас захлестывает губительный яд
Года.

* * *

Демократия, Твой каждый рабочий отдельно,
Труженица одиночка любая
И артельно,
И всей массой от края до края,
Моих поэм до меня задолго
Знали по несколько слов.
Как притоки в себя принимает Волга,
Как дорога вбирает бесчетность узлов,—
Я в себя вобрал,
Святотатец, святой, я украл
Их слова с Олимпа Веков.

И из тысячи тысяч
Звуков, созданных ранее каждым,
Я упрямо и гордо смог высечь
Поэмы человеческим жаждам.

* * *

О Тебе Одиссею спою, Илиаду,
Поражений, побед героическую эпопею,
И сыновнее сердце мое так радо, так радо,
И печально, печально оно, а успею?
Я над странствиями по каторгам рею,
И одну за другой, точно вождь, баррикаду
Озираю. Благоговею.

1918 г.

* * *

Эта книга — отдельные звуки единой
Симфонии мною творимой неистовой, дикой,
Эта лишь фрагменты грандиозной картины,
Камни добытые ломом, мотыкой
Для Храма грядущего Демократии
В необъятной России,
Это только слова из огненной речи,
Выраженья отдельные.

Я иду далече,
Горизонты мои безпредельные,
Только нет за моими плечами котомки,
Только посоха в руках моих нет,
Да рубищем скованы плечи,
В кармане-потемки,
В глазах-свет.

А есть у меня
Сердце Прометея из любви и огня,
Грандиозный костер святого безумья,
Есть безудержная, мятежная сила самумья,
Есть молодость, страшная воля.

Вот вижу я поле,
Как Езекииль,
Где пожелклые кости, точно валежник леса,

Лежат догнивая, отринутые и божественной мессой, —
То кости обреченных, на тысячи тысяч миль.

Я одену их телом, им душу вложу,
Я их воскрешу.
Лишь дойти бы скорее, дойти.

От зноя и жажды запекся мой рот
В кошмарном пути,
Как по мытарствам мук в аду.
Пусть, о, пусть, но пойду я, пойду
Вперед.

1917 г.

* * *

Эта книга —
О Демократии Грядущей вселенной,
О сегодняшнем пролетарьяте багряного сдвига,
Кто поклялся клятвою Ленской,
Кого скоро весь мир назовет властелином
Со взором орлиным.

1918 г.

* * *

Я простой рабочий,
Чье тело и дух попирали, как гада,
Я из последнего круга Дантова ада,
Но поэт и зодчий.
Я не только Иван Филиппченко, я - пролетарьят,
Я святого безумья буйный и дерзкий набат.

* * *

У меня ни жены, ни возлюбленной,
Не им вдохновенно слагал поэмы,
Стремительный весь, не иззубренный,
Я не мог жить немо.
Народ, быть может, понравится,
Взгляни, право,
Это — огненная моя здравица,
Это — тысячегромное браво
Тебе, в венке лучезарная слава!
Рост опасный и полон страданья искус твой,
Кошмарно ушел, не вернется навеки,
И огонь, как трюма пожар, касаясь палубной деки,
И ни с кем неделимая любовь и искусство,
Будут-твои, твои.
Обнимаю, как сын, как брат,
Слышишь, сердце бьется; — набат, как набат,
И каждый удар его светел и свят.
Мы безгрешны, неправого нет судин.
Одному только верю: — я, это ты,
Одно лишь чувствую: ты — это — я,
И знаю, — не будет последней черты
На наших днях бытия,
О, Демократия!
Ты — полмира пурпурного, о, Россия,
Восходящее солнце — доля твоя!

1918 г.

II

ЭНТУЗИАЗМ ТРУДА.

Кто мне ночью был столпом огненным и днем столпом облачным,
великому писателю Российской Социалистической Республики
Максиму Горькому.

Т К А Ч И.

Как солнца мечевидные лучи
Весною вечно землю в зелень рядят,
И лес листвой, какой был убран прадед,
Так мир людской вы рядите, ткачи,

Вы — человечества святые ловкачи
Травую тканей крася дней години,
Как пауки, вы ткете паутины
Под сводами во тьме углов — ткачи.

И цвета нода зданья, точно туши,
В три этажа запрятав потроха,
Метнули горла ввысь в агонии коклюша
И судорог:

— Кха-кха, кха-кха.

То фабрики, где сотни тысяч рук,
Как ветки на стволах в минуты бури, —
То ткацкие, места железной хмури,
Станков стальных...

— Тук-тук, тук-тук.

Они огородили города,
Как сумрачная грубая орда,
Стеною зданий, частоколом труб,
С дыханьем черным по заре заката

И криками благого мата
Их дымных ртов без губ.
И дни, и ночи светятся их окна,
И дни, и ночи тянут там волокна,
Там нити тянут, нити ткут.

Ряды станков, станков железных табуны.
Станков стада,
Дрожат они, дрожат, как от слепней весны,
Нервозно машут членами туда-сюда,
Под странный вой, жужжанье, звонкий перестук:

Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук,

О, табуны, вам холки, спины
Покрыли бархаты, парчи,
Шелка, атласы и муслины,
Как попоны, епанчи.
Их склоненно,
Их бессонно
Ткут ткачи, ткут ткачи.

Вот они, —
Эти толпы, молчания, суровости,
Над станками склоненные ночи и дни
Тканям рассказывают свои повести,
Ниткам нашептывают свои сны,
Ниток руками касаясь,
Каждой, точно струны,

•
С каждой бережно маясь,
Как с бороздой новины.

Точно сеятель в борозды вспаханной пашни
Из лукошка бросая пшеничные зерна,
Так в нитки и ткани невзгоды вчерашние
Бросайте из сердца, из жаркого горна.

И ткани зашепчут на белых плечах пресыщенных,
Драгоценные ткани муслинов, шелков, и парчей,
О доле ткачей.
Над станками склоненных.

Будут шептать, шелестеть, раздираясь, кричать,
В вихре бального танца, за молитвой в храме,
В час раздумий, страсти на полночных кроватях,
Будут сердца раздражать,
Будут жутко рыдать,
Не давая уснуть в обнаженных об'ятях,
Шевельнутся, — как в тягостной раме.

Будут плечи крутые давить
И прекрасные, зноем палящие чресла,
И груди, бесстыдно поднявшиеся на дыбы, любить.
Ни одна, ни одна не исчезла
Ваша капля
Крови и пота,
Боли, заботы, —
И стоит, как в воде над жабами, черная цапля.

Знаю, в каждом селе, деревне и хате
Стучат и стучат

Станков деревянных несметная рать,
Ткут грубые ткани без найма, оплат,
Для себя и своих.

И часто у этих ткачей и ткачих
Из пальцев, порезанных нитками,
Струйками жидкими
Капает кровь на полотна,
Так невинно, так беззаботно
От поры до поры.

И гудят города, как миры,
Дымно красными горлами труб,
С раскрытыми ртами без губ,
Стучат несмолкая села, деревни и хаты,
И эхо, как птицы, крылато,
Кружит над страной,
Над всей Землей,
Как над великой фабрикой бога.

И как много, как много
Уж выткано тканей на все нужды, запросы.
Куда их, куда?
Отовсюду и всюду влачатся обозы,
Бешено мчатся ветрами в полях поезда,
Кладовые горят сверканием тканей,
Батистов, атласов и ситцев простых.
Для желаний живых,
Может быть, для великих желаний?

И чем мы стремительней ткем,
От зари алой до зари алее,

Тем будем оборванней, будем голее,
Тем скорее нам безработицы лом
Поломает спины,
Тем скорее умрем
У недвижимой машины.

Ткачи, ткачи,
Мои вы товарищи,
Занимаются зарева, далее пожарища, —
То встает наше Завтра, бросая по небу лучи,
Как медные трубы.
Взвеем на наших знаменах эти ткани,
Развесим на всех перекрестках,
Путях и дорогах каменистых и жестких,
Да идти Ему было бы любо.

Расстелем заране
На версты и мили,
Все, все, что скопили.

Вижу наше Завтра, как пурпурный флаг,
Вижу его первый шаг,
Разбег, размах без запинки, сомнения и риска,
О, как близко оно, как близко.

1917 г.

ГОРОДА.

В тысячелетях создали вас
Рабов, рабынь коричневые руки,—
Их влагу лба струили экведукки,
Их росу глаз
Земля пила впотьмах.

Любой стоит в карнизах, желобах
Лесов, подмостков, взвитый к самой тверди,
Весь заткан в балки, заткан в жерди,
Рабами заткан, весь в рабах.

Как тысячи громадных пирамид,
Как снеговых гор зубчатый вид,
Взвалив на плечи купол синевы,
Стоите вы
И строитесь, как новые миры,
Планеты рук людских, начал начала,
Из хаоса, камней, стекла, металла,
Земной коры.

О, города,
О, безумные и безудержные города,
Сколько, сколько рабочих на стройки, в бреду,
Загорелых, пыльных, в поту

По равнине влекутся
Надорванно, странно, куцо,
К вам — вот сюда.

Их не счесть, не счесть,
Кажется, вышло все человечество за чредой чреда.
Сделать Городом Землю в эпоху труда,
И в Нем свое равенство, братство обрести.

Вокруг — беспримерная картина,
Отец и мать родного, единого сына.
Там, на горизонте, благословляют.
Сколько их уповающих,
Сколько их проклиняющих,
Кто знает,
С края в край миллионов не вмещает равнина,
Вся она, точно в бисерных солнечных блестках,
В несметных круглых камнях и жестких, —
То блеск горящих зрачков,
Рябь грубых лиц и голов, —
То они, —
То они, бери, если нужно, не нужно — замучь, прогони.

Города будут строить векам, города,
Гнезда для орлят:
Тишина, — не заплачет беда,
Безмолвье, — не крикнет набат.

По подмосткам
Тянутся вверх вереницы,
Катятся вниз потоком громоздким
Без перерыва, — в фартуках бурых,

С расстегнутым воротом пыльных рубаш,
С кляксами мела на фуражках и сапогах,
С потными энергичными лицами,
На плечах, чуть згорбив фигуры,
Несут кирпичи, поднимают цементы в бадьях,
В кадках известку, на блоках железа пруты,
Деревянные балки и доски.
Намащивать вновь и все выше мосты
Без суеты и разброски.

Слышатся песни, напрягаются мускулы, —
Мириады людские на стенах копошатся, как черви,
Как муравьи, все серы и тусклы,
И движенье в каждом нерве.
Каждый вздымает кирпич и кладет,
Как сердце, облитое кровью, сжимает кладет,
Как сердце, что бьется, что страстью живет,
У каждого сердце в руках.
Миллиарды сердец —
На стенах, как заката багрец,
Стены из сердец,
Мозгом спаянные на швах,

Их высят рабочих бессмертные длани,
Воздвигают армии зданий,
Водопроводы вонзая туда,
Площади, улицы устилают гранитом,
Ставят столбы, ночью луны зажечь.
Проволоки напрягают, движенье впредь,
Отдых готовя копытам.
Деревья растят,

Прохладу их пить родниковую,
Слушать в шелесте шумы сонат, —
Все готова для счастья мечтой кумачевою.

И растет, растет городов орда,
Но любой в паутине лесов, решеток, заплат,
Любой в подмостках и пламенных взмахх труда,
Не отстроен, для равенства, братства не отдан
Этот Манчестер и Лондон,
Берлин и Париж и Гаага,
Москва и Пекин, Токио и Чикаго
И все, — разрастаясь вокруг,
На восток и запад, на север и юг,
Подпирая плечами небесный свод.

И новых столиц кольцо растет
И растет,
Вращаясь вразгон.

Стремительно, яро,
Точно на площади, на бесконечном плацу Полушара,
Хороводом кружатся столицы грядущих слав,
У ног, как толпы людские, города разбросав,
Их маня в кольцо дать силу слоновью,
Дать любовь, здоровье
И напитать кровью
Их мускулы каменные, жилы стальные.

Сгибаая спины и выи
Бездомные строят,
Тоннели, каналы без усталы роют,
Льют рельсы, к созвездьям стремят монопланы,

Сходят в ад —

Рыть металл, угля каменный клад
И нефти, и нефти фонтаны.

Города они строят векам, города,
Гнезда для орлят:
Скоро, скоро заплачет беда,
Скоро, скоро ударит набат.

Города Грядущие
Сквозь туман мне видны, едва, —
В зеленых садах, точно факелов огненных локоны,
Полыхают башен золоченые главы,
Хлопьями пламени стекла кровель и окон —
Балдахин сверкающей лавы.
Заводские трубы, как пальмовые без крон дерева,
Мостов поодаль гигантские дуги,
Как звучные фуги —
Довершают сходство Городов с диадемой,
Грохотаньем с поэмой, о них поэмой.

Над Грядущими стаи Человеческих птиц,
Грают серой тучей,
С молнией непрерывной летучей,
Точно сполохи летних зарниц,
Пропеллеры струнно звенят полетной жаждой,
Из сел в Города и обратно в села,
В блеске ореола
Каждый, каждый —
Собрать неправд бациллы.

По земле в пресмыканиях бега
Чугунные чудища страшной силы,

Вереницами, точно удавы и крокодилы,
В Города ползут туманом повитые пего.
Радость людскую везут отовсюду,
Создать из нее чудо, чудо,
В Городах стекла, садов, металла.

Вереницы зданий,
Как лица человеческих рас и наций,
Неодинаковы, но людской породы,
В выраженьи их глаз—окнах, шплицах громоотвода—
Дружба товарищеская зари рдяней,
В том нежно вмурована пляска граций,
В этом размах, сила духа, трагедия,
В том любовь беззаветная, дней новых наследие,
Архитектура, камня душа— Коллектив.

Новый Мир светло-дивных див.
Здесь колонны и колоннады,
Вон портики, арки, триумфа ступени.
Сердце радо, радо.

Архитектура—симфония каменных пений.
И люди—
На лицах ни рабства, ни злого упрямства,
Ни подлости, спрятанной в ласку, ни хамства,
Нет подобных Азефу, Бисмарку, Наполеону, Иуде—
Ни скопцу, толстовцу, смиренной монахине и прости—
Каждый светло здоровый чуткий, [тутке,—
Телом сильный, волей великий,
На плечах одежды светлые, горящие ало,
И солнца блики.

Нищеты, неравенства, зла палящие жала,—
Вырвут навеки веков города,—

Усилием страшным, вдохновенным усилием труда,
Ураганным размахом миллиарда миллиардов рук.
Головы гидре снесут за один удар,
С коронами жутких тиар
В агонии мук.

О, демократия сумрачных царств,
Близок день, ты знаешь, безумная,
Вот-вот уберёшь подмости и жерди,
Сомненья вот-вот предашь смерти
И порвешь все кольца коварств.

Твои дети, поколения шумные,
Тебя, мать родимую, сменят без страха,
С подмостков сведут, окрашенных кровью, как плаха,
Самим законы ковать из железа и стали,
Свободно жить и дышать,
Видеть солнечный свет.

О, привет, привет
Вашей близни и дали,
Не устану грядущим векам посылать!

... Вдруг слышу собора удар,
Древнего собора,
Другой и третий пламенно яр,—
Крик кровавый спора.

— Мы не можем более!
— Нет конца постройкам!
— Кто родился стойким?
— На борьбу за долю!

Взнесены до неба уже города,
Гнезда для орлят,
Застонала громко беда,
Победно крикнул набат.

Вижу я площади, улицы,
И за строем строи, за строем строй,
За армией армию на последний бой,
Обещания вырвать, вековые посулицы —
Двигутся улицы.
Мастерства несут на плечах труда орудия,
Профессия каждая с символами работ своими,
Идет во имя
Права и счастья эта пыль людская, безлюдье.

На плечах топоры и косы,
Вот блестящие пилы,
Вот в руках зубила,
Вот кайло и кирки, как вопросы,
Как вопросы железные,
Как вопросы над бездною.

Вот солдаты,
Скрыты стальною штыков щетиной, —
Под лесом горящих заряженных ружей, —
Барабана призывы и народ — едино,
Крик набата
Победный, громовый, дюжий,
И знамена, как полотнища пламени гулких пожарищ.
Нет между ними раздела, нет середины.

Артиллерия движется
Вереницы чугуновых смертоносных тварищ,

Великое слышится
Слово: „товарищ.“

— Мы не можем более!
— Нет конца построикам!
— Кто родился стойким?
— На борьбу за долю!

О, привет, привет!
Мое пламенное вам браво!
Моя огненная вам слава!
Вам слава!

1916 г.

ДОРОГИ.

Зорь зарева страна стране зажгла
С востока, запада и севера и юга,
Земли середина, половин округа
От полюса до полюса ала.

Восток лучи в лазурь надзорья бросил,
Как трубы золотые авангард,
Весь юг и запад — грозный веер карт,
А север — исполинский веер вёсел.

Горят четыре зарева недобро,
Четыре полукруга светлых спиц,
Гигантских мечевидных особиц,
Края свои, сияющие ребра,
Склонив, скрестили, словно сонмы крыл,

Зенит, пересекая славой света,
Воздвигли своды лучевых стропил,
По горизонту хоровод стропил,
Корона Славы.

О, чье величье, чье величье это?
Чье чудо, чей воображенья пыл?

За солнцем солнце
Масс четырехсветных,
Пожаров мировых разгул встает.

О, орд рабочих, орд кровавый пот
Меж баррикад в сосуде дней заветных
Мы отвоюем через век иль год.
Стена на стену,
Вдруг, мгновенно,
Стена на стену ринется вперед.

Пусть сроки не исполнились,
Но рыться будем мы, Грядущего солдаты,
В громадном яблоке Земного Шара,
Творя товары
В заводах, шахтах, фабриках за плату.

Как тутовые черви шелка нити
Рождают изнутри и кокон выют,
Вы проволокой Землю обогните
И там и тут, —
По гребням гор и по тунельным нишам,
Железом рельс, из пальцев рук истекшим,
В ветвях дорог, подобно векшам,
Белкам рыжим,
Молниеносно силы потекут
Вещей, людей,
Из края в край.

Как пауки несметных стад и стай
Из чрева тянут паутинок нити,
Так вы из мышц и пальцев извлеките
Сеть бесконечную дорог,
Железом туго в узел, точно бог,
Свяжите Землю для великой цели.
И ядовитых, паразитных мух

Сожмут меридианы, параллели,
И разmozжит Труда обух.

А пока миллионеры пусть живут нечаянно,
Ныне наши они закрома.
Скоро, скоро дубину вырвем у Каина,
И глаза ему скроет тьма.

Земля, — яйцо космическое с зародышем, нами
Растущими быстро, неделями, днями, часами,
От лучей тепловых Коллектива.
В размахе мгновенном порыва
Скорлупа яйца разлетится,
И дорог железные рельсы,
Взметнут огненную революции птицу,
От горного английского Уэльса,
До золотой Аляски:
В свете багровом
Расскажут сказки.

Сходятся дружески царства,
Гостит у столицы столица,
Городов хороводы, сел вереницы,
Толпы деревень без рабства и барства
Обнимаются, руки друг дружке жмут.
А дороги всюду ведут,
Всюду найдут,
И по ним идут пыльные, в каплях известки,
Толпы на каждом углу, перекрестке.

Вот те, —
Пролагатели первых тропинок;

Налегке, беспокойны, молвою гонимы,
За то, что безумцы, и отдали сердце мечте,
А сзади за ними,
Опираясь на посох, за странником странник,
С котомкой и тихой песней, за иноком инок,
За батраком батрак, за данником данник.

Толпы, гуськи, процессии
Двигутся, движутся
В зной, стужу, дождь и мять, чрез грады и веси,
Луг, поле и степь не раз расцветет и выжжется,
Буря, молнья и гром загремит в поднебесии,
А дорог кресты мировые, гигантские ижитцы,
Не раз к ним жестоки, благостны, щедры.

Вот партии - опалившие лица о ветры,
Огрубелые руки в трещинах, цыпках,
Мышцы вздуты от локтей и до шеи,
Засученные порты, на икрах грязь, точно гетры.
Двумя вереницами, против друг друга в улыбках,
Мощных движеньях обеи,
Проводят шоссе.

По всей полосе
Две глубокие роют канавы,
Эту слева, ту справа,
Землю наверх бросают одновременно все.

А на самом валу возят тачки,
Стучат о булыжник молотками в раскачке,
Хороводом трамбуют, катают катками,
И ложится дорога змеей колоссальной и серой
Под руками.

Во мгновение ока
В города — нивы переселим,
И заводов железную склоку
В поля — клубить синеватый дым.

А вокруг, небосклон распирая,
Зеленое море степей колышится,
Волнуется с края и на все четыре края,
Небо горит, не сгорая, перепел слышится,
Солнце на нем звенит иль трель жаворонка,
Иль звезды ослепшие меж собой толкаются звонко.

Вот цветные шпалеры, —
Бесконечные толпы железной веры,
В красных рубахах,
Цветных сарафанах, белых платках,
В напряженьях, быстрых движеньях, размахах,
 каплями пота на лбу, огоньками в глазах,
Бородачи, молодых мускулистые орды,
Девоч, солдаток грудастых милые морды,
Нанося прикасаньем любовным друг дружке сжогои,
Тянут грядку железной дороги.

В отдаленьи —
Рельсы крепят винтами,
К нам ближе,
Как бирюльки (могучей игры отражение),
По насыпи шпалы кладут врассыпную,
Срывают откосы по сю сторону и по другую,
Во рвах копошатся по глинистой жиже,
А здесь перед нами

Для моста засыпается пропасть.
И когда по карнизам обрыва,
Проходя с поводьями, женщины чувствуют робость,
Лошади, с тачками движась, храпят боязливо.

Всюду люди - мужчины и женщины,
Тачки, лопаты, кирки, как символы поденщины,
Звон, смех, говор, песни, призывы,
Убеганье, догонки, извивы,
Людопад сближений неугомонный.

А вот непреклонный,
Поток человеческий, яростный, иступленный,
В основание горы вмурован, стремглаво вонзен,
В подошву, задержавшую океанный грохот, звон,
Невособразимый размах,
Трудящееся человечество долбит тоннель,
Сквозь гранитную стену просвет в неизвестную цель.

В углубленьи громадном
Ряд чудищ железных, беснуясь, дрожа,
Громяхая колесами, плача, визжа, —
Сверлят исполинскими сверлами в чаяньи жадном
Песчаник, гранит.
Здесь блоки, здесь краны, молоты и динамит,
Здесь железные рельсы,
Здесь глыбы камней до последних делений Цельса
Разогретые треньем, как углей раскаленный ворох,
И в гибельном зное людей обнаженных стада,
В помешательстве огненном, возбужденье во взорах,
Лоснящиеся выступающим потом и кровью на порох

Растянутых кож разгулом труда
Тоннель рядом чудищ долбят.

И гремит над вершиною гулкий раскат,
И гудит средоточье горы,
Океан и труд трясут ее гребни.
Точно грома орган, полыхает беснованьем игры,
Точно узник титан, стены в груды щебня
В припадке тоски дробит во весь свой рост
При звуках гимна.
А мотив и диеен и прост,
А вокруг от испарин пота дымно. .

О к е а н

„О, я океан,—
И труд громлю.
Владыка, тиран,
Спать ему велю“.

Т р у д

„Я мира царь,
Планеты суд,
Вековечный труд,
Человек—трудолюб.
Ты меньше блюд,
Я выше звезд“.

А вот исполинский мост,—
Ипподром для бегов бурь безумных, железных,
Поездов ураганных, простертых на безднах,

Это страшный, страшный погост,
Где тысячи тысяч работавших сгорбленных спин
Напряжением скорчены в грандиозные дуги,
С сетью рук в дикой схватке натуги,
Точно радуги из человеческих тел и костей,
Переплавленных в сталь и железо
Властью темных машин
И смертей,
Властью креза.

Он повис на немых пьедесталах,
На громадах плит песчаника, известняка,
Вереницей стоят бык поодаль быка,
Это толпы туловищ без головы
В лучах закатных алых,
Плечо о плечо в безмолвыи молвы.
То стоят они, то они, кто погиб,
То они обращенные в камни,
Кто мясом и кровью спаял груды глыб.
О доля поэта тяжка мне!

Но — гениальность науки,
И гениальность искусства всесветной отчизны,
Чудеса железной техники заокеанской —
Демократия рабочая, демократии крестьянской
За границу метнет, за порог ненавистный.
Единство товарищества, о, единство,
Усилим рук, стройнее раскатов хорала, —
Оно победит раз'яренных стихий бесчинство.
Это первое наше Начало.

Но еще океан,
Но еще необузданный он.

Голубою стеной его окружил небосклон,
Купол голубой, кровля тысяч миров и стран.
В безмерном кольце горизонта тиха, недвижна вода,
Во все концы на тысячу тысяч миль.
Вот плывет не призрак, виденье, не мечта, но быль,
Сквозь круглые окна, изнутри огневясь, кораблик,
Но куда
От земли, от верфей своих, заводов и фабрик?
Фосфорическим светом освещенный снаружи,
Рей равно кресты, погост плывет к загробной стуже.

По утру океан проснулся в неистовой буре,
Буйствует небо, стихия в стихию включиться хочет,
Беснуются клубы круговратной молнийной хмури,
В бешенстве гребни разгневанных волн клещут,
Как горы валы, меж ними до дна провалы громадные,
Брызги в небо плещутся жадные,
В безднах кружится за смерчем смерч,
Корабль -- волчком, его оседлала смерть.
На палубе, точно плахе,
Все ниц -- предсмертный страх.
-- Трах. Трах!..
Вечная память! Пена, урагана взмахи,
И валы до неба, и до дна океана провалы.

Вот путь к полюсу.
Здесь воздух, точно терновник, игл жала,
Здесь ночь, -- семицветных молний трепещут полосы --
Сияния Северного величье,
Меж пловучих льдов, стремнинных утесов,
Как на море крылышко белое птичье,

Настигнутый бурей — вон кораблик тесов,
Сейчас трагическую его особость
Расплющит льдяная сходящаяся пропасть,
С оркестром на палубе, еще не погребенные,
Марш играют пред смертью,
Себе марш похоронный.

Трах!..
Трах!..

Носятся марша звуки...
Вечная память в ледяных горах,
Вечная память вам, Колумбы и Куки,
Вслед за вами утром ранним
Мы к экватору полюс притянем,
Тропики в снежную даль мы
Сдвинем на север,
Где вдруг замаячат пальмы,
В Сахаре зазеленеет клевер.
Мы встанем,
Мы сольем во Единое плечи брат брата.

Слышу разносятся стоны о жажде возврата,
Возврата на землю — стать раскатом трубы битии.
Чьи тоскою неслыханной носятся звуки?
Чьи там запрокинуты до стенания руки?

-- Пролетариата!
— Грядущей демократии!
-- Нам набата!

И еще я слышу, но звуки иные,
Бой барабана,

Труб крики свободою пьяны,
То Она распрямляет спины, прямит выи,
То Она в знаменах горит багряно,
Готовая все смести.
Серая тысячеверстная людская гусеница
С несметными пятнами красных знамен,
Двигаясь радуется, как солнце весною весенится.
В такт ритму мира, сфер музыке в тон,
По Земному Шару,
Миллионы сердец, как пыланье восходных зорь.
Кто силен, тот зарисуй, заузорь
Раз'яренные гребни чувств пожара.

О, пролетариат, ты проложил пути
Поколеньям своим,—
Так веди, веди
В братства, равенства Рим,
Дороги знают всесветный Рим!

О, дороги, дороги неужели
Ведете вы к цели?

— Да, к цели.

1915 г.

Р У К И.

Гор гребни оделись багрянцем,
Лучей четыре пера.
Бедность горбит спины восстанцам,
Но пора распрямить их, пора.

До солнца день каждый, день каждый,
Рос капли роняешь со лба,
Душа накаляется жаждой,
Тело корчит казни дыба.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Воевать за дни золотые,
Свергать банкира-Батыя
Твой поэт зовет!

Твой голос, как гам урагана,
Взреви о захвате всех прав,
Труби и бей в барабаны,
И греми грозой своих слав.

В лучистой вселенской короне
Воцарись над благом земли.

Твое занимают на троне,
Твое место цари, короли.

Земля, орудья, богатства,—
Все от города до шалаша,
Дело рук рабочего братства,
Все твое, все—без дележа.

Захвати, захвати руль мира,
Так глаголет пророк и поэт.
Его песнь одинока и сира,
Но греметь ей тысячи лет.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Ворота взломай вековые.
На выброс банкира—Батые,
Твой поэт зовет.

* * *

Сотни тысяч смуглых лиц
На площадях Города, при зареве красном заката,
В ожиданьи наместника Пилата,
Стоят напряженно, с пыданием глазниц,—

С рукой рука, с плечом плечо в багряной мгле,
Предчувствуя гром мирового набата,
На площадях городов
По всей Земле.

Безбрежье голов,
Армий странных, диких, неразгаданных,

Окруженных зданьями высей громадных,
Ураганно гудят разгутом разгневанных слоев.
Откуда они, кто они, кто вызвал непрощенно ад?

То — пролетариат
Городского центра, окраин и дальних границ.
От выжженных солнцем степей, лесных громад,
От ущелий, кинувших скалы грудой на груду,
От израненных кровель лачуг, землянок, хат,
Деревень, предместий, лежащих ниц, —
Он пришел отовсюду,
Точно к чуду,
К городу кирпича и гранита,
Городу металла, стекла, бетона, цемента,
Титанической кузнице, счастье кующей векам,
К машине безмерной, что вечно работаю взвита.
Что льет социальных, идей элементы.

По тротуарам, как берегам,
И мостовым, точно руслам, —
Буйным пьянящим суслом,
Катятся толпы потоками улиц.
От безработных распутиц, разгулиц,
С волосами, как войлок, плечами в заплатах,
Спин лопатки, коленные чашки, локтей острия
Сверкают сквозь платье, растрески на пятах,
На женских лодыжках цыпки, как чешуя, —
На площади, в переулки,
В артерии города толпы вливаются гулко.
Голытьбы с пыланьем глазниц
Разлив растет

Из всех концов и ворот,
Как рогов изобилья, гигантских кошниц.
Водопад людской стремительно бьет.

То лавиной,
То рядами стройными, —
Безработные храбрыми войнами
Непрерывно и непрерывно спешат:
Не запнется, не улыбнется из них ни единый,
Полонен каждый каждым, незримо друг другом сб'ят.
По два сердца в лохмотьях людей новой веры.
Живые стучат, стальные молчат револьверы.

Ни песня, ни стон,
Ни дрожь уловимая малая
Пусть не будут разгаданы,
Что полотнища алые
Алых знамен, —
В царство труда величавое кораблям паруса, —
У вождей на груди под лохмотьями спрятаны.
Но любому не скрыть два пылающих угля — глаза
Перед Городом, грозным тираном.

А за Ним, который сегодня ни поздно, ни рано
Не будет узором огней электрических вышит, —
Там, по равнинам, полям и угодьям,
Там, наводненьем, глухим половодьем,
Море людское валы свои движет,
В одну точку глаза вперея, —
Сразмаха наброситься на Дворец Колонный царя.
С криками,

Богохульством, уликами,
Местью ветра буйнее, порывистей вьюг.

На восток и на запад, на север и юг,
По кругозору пространства, до черты горизонта,
Черным-черно,
То движутся хлама обозы мирьядами дуг,
Косу менять на кирку и плуг на станок — все равно.
На лопату, менять инструмент починки, ремонта.
Это руки, взыскущие труда,
За ордою орда, за ордою орда,
За народом великий народ
Поднялся на невиданный миром Исход
В города.

Город напрягся, как Лаокоон.
Руки, грудь и ребра,
Ноги и шею,—
Всего и со всех сторон.
Вереницы, как змеи,
Кольцами оплели, как голодные кобры.
Площадь в ожидании Пилата,
В предчувствии медного крика набата,—
Крикнула площадь.

Работы, работы, работы!
Одежды, жилищ!
— Мы без хлеба ушли из родных пепелищ!
— Без светлой надежды вернуться туда!
— Мы подданные векового Труда!
— Мы подданные!
— Пусть нас небо не любит и сыплет невзгоды...

-
-
- И шлет палачей захлеснуть зараз до восхода...
 - Мы дети Земли, Ею созданные!
 - Векового Труда мы подданные!
 - Наши руки делам приурочь!

Уж ночь.

Вдруг крикнул рожок и заплакал
Над морем голов, над тысячью тысяч,
И вспыхнул за факелом факел.

Лишь бешеный пламень смог выжечь, так высечь
Несметность голов, напряженные лики,
И бросить пурпурные блики
И арабески
На сабли солдат, их рассерженных коней,
Светотени на каждой попоне.

И метнулись блески
На крестах церквей, иглах башен и каланчей,
Армии окон по дворцам, небоскреbam,
Стали красны, казалось, горна горячей,
Каждое здание стало пылающим гробом.

Площадь, как в бурю чащоба,
Размахом неистовым всех поколений,
Вскормленных огнем мятежей,—
Встрепенулась, дрожит, как дрожат от озноба,
Закачались на ней решоткой гигантских живых чертежей
Стихийные тени.
Внезапный взмах
Стремительных рук

В направлении колоннад перед нею рядами.
Как горящие ветки на горящих стволах,
Как щетина штыков перед боем, грозя остриями, —
Руки маячат
И крики, и крики безумное значат.

— Нам хл-е-ба!

 Ни любви, ни отдыха праздновать свято...

— Ни серебра, ни меди, ни злата...

— Ни чуда, ни милостей неба...

— Мы будем бесстрашны, день за днем бесстрашней!..

— Пусть на нас восстал и наш труд вчерашний!

— Пусть наши продукты, труда кристаллы

 Нас бьют по рукам, по рукам прочнее металла!

— И нам стоять?

— И умирать?

Как языки пламени громадных свечей,

Как в бою лезвия блестящих мечей

Как горящие головы — факелов полыхают извивы,

Жутко и взыво,

Всюду руки воздетые, руки и руки,

Кулаки, пальцы скорченные в дрожаньи

Без конца.

Кажется слышно мозга стенанье,

Сердец перестуки,

Биение пульса, как галоп гонца,

Как набат, за ударом удар.

Земной Титанический Шар,

Царство науки, разгадать бесконечность мира,

И царство искусства, мысли художников, зодчих,

И царство предметов, вещей, живущих скромно и сиротливо, —

Оформили руки рабочих,
Воздвигли навек, закрепили руки рабочих.

Непреклонная воля, чья ни было,
Таланта слепительные откровенья,
Созданья бессмертного гения,—
Это рук напряженных лавина себя в них вздыбила,
Это вихрь взвитых тысячелетий в порыве едином,
Водомет, высотой подчиненный напорным глубинам,
Маховик, приводимый в разлет семьей шестерень

Как лишайник, окутавший пень,
Как мох на стенах крепостных,—
Эта зеленая тысячелетий проказа,—
Как листопада листья,
Покинув приют свой горний,
Устилают землю, деревьев корни,—
Так ладони рабочих, рук рабочих кисти
На всем, что видит зрачок глаза
Добрых и злых,—короля, торгаша, ребенка, черницы.

Как Солнце во всем Себя оставляет частицу,
Рабочий вмуровывает в предметы и вещи
Себя руками—таинственный, вещий.
Бессмертный особицей.

— Нас навеки запрягший в ярма,
— О, дай для крова хоть пустые казармы!
— Иль раскинь палатки из парусины,
— Для детей, умирающих от голодух, передрога!
— Наши ноги и руки от холода сини!
— Эти руки, пересоздавшие мир после бога!

●
С тех пор, как творцом незаконченный брошен,
— Шар Земной был печальней острога,
А ныне он Круглый Город!
Нас безумье охватывает и бред!
Как стволы в лесу пожар!
Миг смерти нашей, иль час побед!

Встает кошмар.

Город камня, стекла, рельс железных,
Воскресил руки всех безвестных
Ста веков, кто трудился, был голоден, худ.
Город рук, нет улиц и зданий,
Только руки в рубцах испытаний
Отведенных на долю сыновью,
Обагрённых факелов кровью.

Виденья встают.

Кирпичи зданий оживают, то ладони рабочих,
Камни мостовых оживают, то их кулаки,
Их мускулов труд, их труд,
Столбы оживают и трубы,
Колонны и тумбы—
То руки этих и бывших, прочих,
Из земли и вещей поднимаются, точно ростки,
Кисти рук загрубелых, трудившихся ночи и дни,
Вот растут, розовеют, шевелят перстами они.

Церкви, соборы,—
Шевелятся их стены, внезапно ожили,
Ладонью ладонь сжимая, точно по уговору.
Снизу доверху пожатым хруст пальцев умножили.

Снизу тянутся вверх все выше
И выше,
Пламенея на главах, словно кресты,
По одной на каждой, вонзив персты
Угрожающе в небесную крышу.

И небо горит огневыми ладонями,
С напряженно расжатыми пальцами,
Это звезды. Какими страдальцами
Вы оставлены там, на лиловом лоне?

* * *

Из глубины величавых колоннад Дворца идет фигура, это Наместник царя, в порфире цвета крови. За ним сумрачная толпа в одеждах, шитых золотом. Идут, точно на берег бушующего моря и становятся в позе спокойствия и равнодушия. Разгоряченное страданием и местью воображение масс рисует задним рядам эту сцену преувеличенно, задние ряды дальнейшим еще более искаженно, следующие за ними передают уже свой бред. Половина площади видит Наместника над Дворцом в воздухе.

Н а м е с т н и к .

Я не могу ничем помочь вам.
Зависит разве от меня
Велеть неплодородным почвам
Зерно пшеницы, ячменя,
Родить сегодня—
Власть Господня.

А шахты, фабрики, заводы,
Вам наготовили добра,—

Товаров, угля, серебра.
Вот потребляйте,—
Себя спасайте.

Слышны отдельные выкрики толпы среди тишины: „Смотрите“, „смотрите на небо, он там издевается над нами!“ „Проклянем небо!“ „Проклянем Нечестника и царя!“ „Смерть им!“.

... Не только в нашем славном царстве
Неурожай, застой труда,
Другие страны, города
В таком же разлюбезном барстве,—
Совет вам отчий,—
К домам, рабочие!

Я беспорядков не позволю,
Святой закон мой слова,
Печемся мы не день, не два
И о своей и вашей доле.
Идите с миром,
К квартирам.

На востоке, западе, севере и юге появляются красные зарева, из которых, точно лучи восходящих солнц, всею расстилаюсь по небу, устремляются ввысь и в стороны исполинские огненные руки. Пересекая зенит крестообразно, они соединяются там, как стропила, по горизонту хором стропил. Образовалась грандиозная огненная корона из рук. А разгневанная, безумная площадь снова сжимает кулаки над головой с криками и воплями: „Куда, куда?“ „Нет квартир!“ Но вдруг все стихает. Перед Нечестником царя говорит Вождь Народа. Немного ссутуленный с непокрытой волосами головой.

Вождь Народа.

У бесчисленных масс,
Просящих ночлега, работы и хлеба,

Как смерть, неотступна потреба,
Все чувства у них зараз
В сердце, глазах и руках,
Движенья стихийны, без медленных фраз.
Вихрем безудержным, грохотаньем пожара
Грянут в грудь Земного летящего Шара
И свихнут его, и развеют неправды прах.

На полях лебеда,
Забава мора,
На трубах заводов ни облачка дыма,
Ни к ним, ни от них ни одного пилигрима,
Кризис труда,
Но скоро, скоро...

Не внемлют вождям голодные массы,
Ни угрозам смерти,
Ринится вот Полушарье бесхлебного класса,
На Полушарье сытых, — поверьте, —
Как ураганный разбег океана
На материк,
Разве будет лечить кто раны,
И слушать крик?

Кто на землю принес
Не мир, но меч?
Христос...

Далеко в задних рядах слышатся крики „К Дворцу!“ „К Дворцу!“ „На плечах крест!“ Экзальтированная Толпа видит, запрокинув голову вверх, летящего по небу Христа. Призрак роняет, кажется, слова....на землю принес не мир, но меч"... На ступенях Дворца свита и Наместник тревожно переговариваются.

... У масс, просящих жить,
Подавленность сменится яростью дикой,
Ич едино быть и небыть,
Взметнутся ломы, молнией сверкнут мотыки,
Взовьется до неба пламени грозный гребень,
Достоянье ваше превратится в обломки, щебень.
Сгорит один за другим вооруженный на них особняк,
Земля по орбите вращаться будет, как неясный знак,
Сокрытый клубком испотинским пепла и дыма,
Сонм лет неодолимо,
Тысячелетья тысячелетий неодолимоносящая нас.

Но вижу сквозь дым,
Как Земля, грандиозное сердце, красное, круглое,
От стужи насилья, от засухи рабства пожухлое,
Как по нем, точно пазубе во время горящего трюма,
Людской сонм за сонмом строем густым,
Озаренный зловеще, угрюмо,
Вдохновенной мыслью водим, —
Вдруг руки вздымает,
И вдруг опускает,
Внезапно склоняется и распрямляется —
В куках творческих,
Полуважных, полузаговорщеских,
Созидая новое, мается.

Против класса класс,
Силой против сил.
То кружится смерчем восстания пляс,
Побежденных уж топчут в миллионы могил,
Не дав им последний раз вздохнуть,
Смертно очи навеки сомкнуть,
Из животного завывать.

Не обманывает меня опыт,
Где-то наши знамена горят.
Ты слышишь, Наместник, топот?
И набат?!
Ты слышишь?!

У Наместника искаженное болью и ужасом лицо. Он машет белым платком, делая знак войскам. Раздается звук рожка, тревожный, плачущий.

Цепь конная, целясь, сжимает площадь.
Грянул залп.
Как череп расколотый громадного ледника Альп,
Буреломно свергаясь, загремел на толпы вниз,—
Смерть замахнулась на жизнь, зарождая дрожи ощутить,
Смерть скорченные тела в крови полощет,
Мрачною музыкой пальб
Гремит, а дым, дым пороха сиз.

— Товарищи, к бою!
— Знамена ввысь!
— Смерть иль победа!
— Женщины, дети на камни!

Площадь по краям,
Как ниву, людскою толпою поросшую,
С седел саблями косят солдаты отовсюду,
Тел стебли мертвые валятся грудой на груды,
Вал растет, шевелясь наверху, у подножия.

— Мы умираем...
— Наше сердце радо...
— Земля будет раем...
— Вперед рабочий, оратай...

Точно сразчаха
Птиц стаи, испуганные косовицей,
Вспорхнули с площади сплошь, без страха,
Пули, как птицы, как птицы,
В сердца косарей.
Подскользаясь на сгустках крови, дичая,
Их лошади падают со ржаньем и храпом ноздрей,
В судорогах издыхая.
Над обреченными
Рокошет пальба,
Ищет жаркого сердца, крутого лба.

Площадь алеет знаменами,
Вьюжит, завывая роями пуль,
Грандиозный свинцовый фонтан, смертомет
Вихрь гневный, громадами зданий стесненный,
Несметность нулей, бок-о-бок нуль
Вокруг единиц вождей,
То восставший народ,
Безработицами, неурожаями неистребленный,
И рожденный в нужде.

В небоскребах армии окон разбиты.
Как ячейки сотов отравного меда,
Брызги свинца струят они по народу
В середину, где женщины, дети борцами прикрыты
И раненые в агонии предсмертья.
Девушки вместо сестер милосердия.
Здесь, — внутри.
На руке крест красной зари.

На окровавленной площади
Две стены параллельные, две баррикады:

Одна — трупов народных высокие гряды,
Другая — солдат, лошадей, убитых без пощады.

На мгновение
Пальба затихает озлобленных на-смерть становищ,
И тогда можно слышать, как братская помощь
Спешит и сигнал подает, подкрепление,
Разбив у себя насилье.

Вот услышана весть
И радости крик раскатом гимна
Пронесся, восславив товарищества честь.
Враги трепещут зимо

-- Победа! Победа!
-- Слава товарищам!
-- Слава их верному следу!
-- Дворец разнесем по свалищам!

* * *

Войска Наместника, окруженные со всех сторон революционными войсками, сдаются. Вся человеческая масса устремляется на Колонны Дворец, погребая под его развалинами Наместника и свиту.

Народная масса.

-- Сдались войска! Сдались войска!
-- Они и мы одних семей,
-- Им боль близка,
-- Товарищи, туда, меж змей,
-- К оружию, в строй!
-- Свершился час расплаты,
-- О, будьте прокляты судьбой,
-- Мы победим,

-
-
- Приспела помощь брату брата
Как армия лучей востока!
 - Быть беспощадным, но не злым,
 - Мы в жизнь положим план свободы.
Права и равенство навек.
 - Брат человеку человек.
 - А где трибун, где вождь народа?

П о э т.

Твой вождь, бедняк от бедноты,
Сил миллионных фейерверк,
Венец, что никогда не мерк,
Венец лучей, а солнце ты, —

Трибун, в кого включен, вмурован
Самум борьбы, надежд, мечты,
Громов громарь грозой таврован,
Мак красный твой, а корни — ты, —

Он окольцовывает род
Всех пресмыкающихся в норах
Шеренгами, с огнем во взорах,
Чьим подвигам потерян счет.

Он тюрьмы и застенки пыток
Обходит сам во всех концах,
Скликая, в шрамах и рубцах,
На волю сил твоих избыток.

За батальоном батальон
На площади земных окраин,

Где братьев убивает Каин,
Уводит ополченья он.

Твоим избранникам надежным,
Изведавшим темниц гроба,
Кто с пламенем крутого лба,—
Дает заботу он о Должном.

Борцов за алые полотна
Привавших смерть во имя всех,
В гробницы горестных утех
Решает схоронить почетно.

Народ, Народ, веков пласты,
Весы вселенной наклонились,
Вперед на стройку, выйди, вылезь!
На стройку счастья,—Солнце, ты!

На площади часть человеческой массы сливается в манифестацию. Реют красные знамена; загрелась Песнь Победы. Шествие направляется по улицам Города. Поэт присоединяется к первым рядам. Встает солнце.

П е с н ь П о б е д ы.

Вихри, как дымы сел на закате,
Взвиваю змейных нагаек, плетей
Над головою рабочей рати
Были враждебно длительность дней.

Наша гордость и мощь наша орляя
Десятилетиями буйно растет,
Тысячерукая, тысячегорлая,
Тысячесильная сила—Народ.

В сердце тюбom современного царства
Строим грядущее Царство Труда,
Непобедимое силой коварства,
Несокрушимое молнией кнута.

К сердцу рабочее сердце влечется,
Стать титаническим, огненным стать,
Мысль инорасца, мысль инородца,
Мысль иноверца — единое знать.

Воля едина, желание едино,
Пульсы слились в единый удар,
Грудь и спины в единую спину,
Встает пожар, всемирный пожар.

Встаем мы, встаем мы, сила самумья,
Циклон беспримерных богатырей,
В огне непогасном святого безумья
— Трах!
— Трах!
Вскрыть затворы дверей.

В своей комнате в напряженном раздумьи ходит Вождь. Лицо его усталое от бессонной ночи, руки крестообразно сложены на груди, еще более ссутуленный, шея чуть вытянута, глаза устремлены в одну точку, смотрят в даль. Он не слышит Гимна Победы приближающейся манифестации.

Вождь.

Усилия рук всех тысяч поколений,
Сгущенный в тучу их кровавый пот
Грозовым ливнем смыли сумрак теней, —
Мир в новый мир пересоздаст народ.

Меняет человечество лицо
И сердце алое, и серый мозг меняет,
Как скорлупу на выводка яйцо,
Как зимний лес, когда снега растают.

Народ, народ, меняется и вкус твой—
Поэзия и музыка земли,
И мрамора, и полотна искусство,
Архитектуры тяжкие кремни.

В одно русло свои сливая русла,
Наука властно об'являет бой
Стихиям, длящим годы закорузло,
Орудьем сделать каждую рабой.

Меняюсь я, твой неподкупный вождь,
Кто банком был твоим, идей цементом,
Куда все знание, опыт весь, как дождь,—
Рублей ручьи—ты лил и брал с процентом.

Я становлюсь, как детский змей бумажный,
Взлетаю ввысь и над тобой гремлю,
А нитка ты, народ, народ сермяжный.
А держит Мать-Земля. Держи, молю.

Земля, земля, бушует мира буря.
Тонка еще, не порвалась бы нить.

Земля.

Я внемлю и, как часовой, дежурю.
И ты, и на века народ твой будет жить.

Манифестация останавливается у дома вождя. „Да здравствует наш дорогой товарищ!“ „Привет великому Вождю!“ Сначала появляется у окна, затем выходит на балкон, перед лицо манифестации Вождь, скорее сосредоточенный чем радостный.

Вождь.

Из часа в час.
Из года в год.
Мильоны масс,—
Народ.

Ковал дела,
Хвала, хвала,
Ковал, восстал
Народ.

Так яростно воды, вздымаясь до неба, кипели,
Когда создавалась Земля, родная планета,—
Не мгновенья, сутки, недели,
Тысячелетья прошли до рассвета.

Так безумно гремела и грохотала за цели,
Оставшиеся для нас досель без ответа,
До сердца взрывались вулканы на Ее теле.
И, застыв, озарилась лучами рассвета.

Так, в ночь, за двенадцать часов,
Как двенадцать тысячелетий,
Над вампирами мрака, стаями сов,
Одержали победу мы на рассвете,

И, теперь, о, теперь,
Крепко руки рук пожав,

Товарищество светлых слав
Мы создадим за мир потерь.

Мы есть, мы будем, мы друг за друга,
Из пролетарских, братских тел,—
Земле, вещам, орудьям дел.
Мы—непробойная кольчуга,

И сталью рельс, и сталью мышц,
И телеграфа проводами,
Слияньем воль в мельканье спиц,—
Земля преобразится нами.

Из часа в час.
Из года в год,
Милльоны масс.—
Народ,

Кует дела,
Хвала, хвала,
Кует,
Встает
Народ!

1916 г.

ПОЭМА СЛАВЫ.

Во имя равенства, братства, права,
Я, рабочей республики поэт,
Труду человечества шлю привет.
Ему слава, слава, слава

* * *

Я стал ступней на край кривой орбиты,
Меж бездн, на рубеже, где бег стремится Земля,
Где грозный рой миров свой вечный хор хваля,
Кружится, точно пчелы, домовито.

Работают вселенная в пространстве
Века веков, на времена времен.
И скорбный плач и человеческий стон
Заглушен гулом ураганных странствий.

И на кругу безмерном нулевидном
Из далей страшных, бурями звоня,
Ты с поворота мчишься на меня
Земля, Земля вся в облаке защитном.

Миллионы солнц во мглах тебя вскормили,
Орбитой плыть толкнули тьмы систем,
Тьмы тем

Законов на тебе застыли,
Любой поэма мировых поэм,
Земля, Земля,
Ком грязи дерзновенный,
Среди светил без паруса, руля,
Средь пламенных кружащихся планет,
В мирах миров Тебя прекрасней нет,
Нет счастливей Тебя во всей вселенной
На миллионы, миллионы лет.

За мигом миг все больше, все огромней,
Все ураганней близишься ко мне,
И я бездомный, мира всех бездомней,
Я различаю в облаке извне
Фигуры, лица, скорченные спины
Прозрачных несметных, безудержных волею масс,
Шен вытянув, точно в полете косяк журавлиный,
Женщины, дети, мужчины толпой на плечах, вот сейчас,
Мне навстречу несут стремглав по орбите
Тебя, родимый Шар.

Паравоз так мчат по железной нити
Колеса мельканием молнийных чар.

Как гениальная мысль человечества
Шлет по воздушным волнам дирижабль,
Светлый ковчег и родимый корабль,
Так по вселенной планету отечество
Обременные тени
Влекут, —
Всех поколений
Дыханье, труд.

За годом год,

За годом год,
За поворотом поворот,
Между планет и их орбит
Земля орбитой летит
Вперед, вперед,
Вперед, вперед.
За поворотом
Поворот.

Горят миры
Миров каскад,
Огней шары
Блестят, блестят,
Луна пространственных высот,
Мечи метнув, как снега трубы,
Сребрит земную грудь сугубо
Из века в век, из года в год,
За оборотом
Оборот.

И в ночь, полушария площадь живую
Щупают всюду миллионами синие лучики,
Звезд золотых волоконца, обручики,
На поверхность ее радостно целят,
Мрак, солнце, луна свои краски стелют, --
Золотую, темную и голубую, --
Изменяя мгновенья, когда
Земля свершает свою круговую
По орбите в танце труда.

Земли исполинский овал
Весь залит луной,

И мелькают на нем зубцы заостренных скал,
Отдаленные, чуть различные мной,
Будто аэростат оболочкой неровной все ближе,
Разрастаясь во все направления, занимая пространство,
Плоскостью выпуклою, панорамой убранства.
В многозыком
Полете на облаке тысячеликом
Земля стала калейдоскопа сверкающей жижей.

На ней выделяясь количественно —
Вековечно шествуют толпами вдаль пирамиды,
На вершине с оркестрами бурь гудящих величественно,
С треугольниками черных теней
Распластанных для убийцы, выдавших вид:
И скрытых нападений
В тот миг, когда человек по аллее
Спешит по делам.
Пирамиды — труда мавзолей.
Пирамиды — мускулов храм.

Мелькнула гора вершиной, как лоб оголенный,
Не ней три креста, средний самый огромный и жуткий.
Три страшные тени от них по долине легли удлиненно
На тысячелетия, века, на годы и сутки.

Мелькнула фигура гранита, как сфинекс титанический,
В поднятой к небу руке факел магический,
Колоссальные женские многодневные формы
На фоне пурпурном очерчены четко, графически, —
То труда и свободы Статуя.

Не найдется на свете соратая
Циклону, смерчу и слабы океанские штормы,

Ее свалить, опрокинуть на дно океана.—
Это образ Матери Сверхчеловека,
Голова ее заревами осиянна,
Ей в глаза я смотрю на разсвете.
Вереницы грядущих тысячелетий
Под сердцем у ней
Сокрыты грудною декой...

Величава снаружи, горяча внутри,
Земля в ореоле зари.

О, родная планета, Человека Праматерь,
Тебя красное зарево кроет как скатерть,
За Тобю восходит святое солнце,
Ты словно в мельничных крыльях короне его лучей,
Нет героичнее в битве со мраком борца, оборонца.
Простираю к нему свои руки,
Чутко слушая жизнь, сердец перестуки,
В буре звуков Твоей.
В небе красное золото,
От Рассвета ночь навеки отколота. *

И громадную птицу,
Горящую, как метеор,
Над Землею заметил мой взор,
Там гудит, как орган,
Светлый богчеловек, моноплан.
Но прозрачное облако светлорумяное:—
Сонмы толп, шеи вытянув, точно косяк журавлиный,
На которых несется орбитой Земля на меня,—
Мое тело и душу пьяную,
Растворяя каленьем огня,
Вобрали в себя и стал я со всеми—едино.

Перед нами простерся Полушария плац
От полюса северного до экватора невообразимо: —
Это площадь Европы и Азии, где климат паяц
Веснами весны сменяет и зимами зимы,
Где вчетвером океаны домятся в бешенстве пены,
На берега, точно замки, колонные скал терема,
На берега, точно кружев кайма.
А в океаны далее,
За экватор вправо и влево,
Распростерлись два исполинских крыла,
Это Африка в зное огня замерла,
И цветник самоцветный Австралии.

И еще перед нами
Со взгорья всего Полушара,
Но с другой стороны, книзу, до самого южного полюса,
Простерлась, как свиток обглоданный, в бое волнами
Молодая Америка.
Ее талию тонкую, косматых валов рассыпая волосы,
Океаны сжимают со стремительностью Ниагары,
Ласкают со страстностью дикого Терека.
О, вы, чей взор не обидит,
Чьи глаза за пределами зрения видят,
Вы, провидцы, взгляните!
Земля, клубок космический, жизнью намотанных нити,
Муравейная куча безмерная, несущаяся по орбите,
Голова грандиозная, где мысли за цугом цуг
Замелькали, зашевелились, заколебали поверхность вдруг,
Как глядь океанную рябью, —
То разбить свою долю рабью,
То цепь расковать железных путь
Руки, руки напярчь, расправить плечи,

Человечество рвется на первое вече,
Человечество шествует на свободный труд.

✓ Перед нами четыре земных простора,
Пять материков, за ареной арена,
Площадь неистовых страшных ристалищ,
Где отныне каждый друг другу товарищ,
Сын, отец — бедняки непременно,
Мать, дочь — оборванки,
Сестры, братья с пламенем взора,
Молодые и взрослые, свои и чужие в размахе упора,
В азимуте сил трудиться идут спозаранка.

Все побережья, долины, гор подошвы и взлобки,
Все равнины, луга, гор гребни, террасы,
Огороды, сады и бахчи,
Вулканы и сопки
Людом рабочим кишат,
Всюду миллионные массы,
Одетые ярко в ситца, кумачи,
Шар Земной расцветился, гудит набат.

Все леса и поля,
Безконечные степи в серебре ковыля,
Каждый, каждый квадрат земли, Вся Земля,
Точно в белой ромашке, красной гвоздике,
Голубых незабудках, пунцовых розах,
Безпредельно раскинулись за небосклонные смычки,
Куда не спровадит, сотрется, самый крепкий посох, —
То по мостовым, по равнинам в росах,
Люди плуга, станка, наковальни, мотыки.

Пред пораженными вами
Материков область поднялись краевые,

Берегов скалистых и плоских иззубрины,
Где языков трубы затрублены,
Голосов, наречий, акцент к акценту,
Все мощней, небывалей, насыщеннее, впервые,
Кругами громадной спирали близятся к центру.
Здесь тысячи тысяч рабочих орд,
Здесь миллионов миллионы батраков первый сорт,
Здесь миллиарды пред схваткой горячей, как ад,
Пред схваткой труда, что потом и кровью пышет,
Грудь каждую энтузиазмом движет,
И никто от борьбы не уйдет назад.

Будет рук размах созидательней всех историй,
Час движений любого Земле приблизит рай,
День работы каждого перестроит вскоре
Весь Шар Земной от края в край.
Только век, один век труда такого,
Только век, напряженья творческих волей,
И шелками оденется голь,
И мощью сравняется с мощью бога,
И земля родимая, золото света,
Прекраснее станет всех планет планетой
Во всей вселенной безмерной столь.

О вы, чей слух за пределами звука слышит,
Вы внимлите, весть для рабочих звучит:

— Кто, кто безработицей из дому выжит.
— На свободный труд, кто судьбою забыт.
— Кто был затравленной пса.
— Из ям под солнечные небеса!

* * *

И сошлись, и рубят теса,
Сталь всадили зараз японцы буйным размахом,
Вглубь пики вонзили англичане, янки, французы,
Китайцы, германцы, австрийцы настез куртки, блузы,
Шведы, финны, русские поджакам не рады, рубахам,
На всех материках
В прошлом подобных кровавым плахам,
Топорами горящими во взметнувшихся вверх руках,
Как по зову клянутся к корням ураганно, вдруг,
Цари труда, мощи рыцари без корон, кольчуг,
В схватке безумной, безудержной, схватке дикой,
За работу взялись без единого вскрика.

И еще, еще исполинский размах.
И слышится зычный стогромовый раскат: трах, трах.

Леса падают, как на поле сражения армии,
В корнях разрываясь, кричат о гуннах,
Гремят канонадой батарей чугунных.

Обнажились пространства
На тысячу верст, миль на сто сот,
Замкнутые стеной голубой, образующей купол,
По земле, глине желтой, ряд бочек воду расхлюпал,
Мнут месиво парни, девушки для кирпича,

С обнаженными икрами, рядом, плечо у плеча,
Танцуют огненный танец труда,
Работа радость,—и конь и узда.

Пряников красных выжжено не сосчитать.
Можно весь кругозор, точно площадь, устлать.
Как на глади морской от капель дождя,
По Земле кругозоров мильоны работой пылают гудя.

Весь мир стал полем бескраинне просторным,
Где раскинулись, точно крестцы, рисунком узорным,
Точно копны снопов, бесчисленностью верениц
Вдоль и поперек, без конца, границ:
То стройки грядущих каменных сел,
Деревень кирпичных, огнеупорных.

Разгул воли закаленных на горнах,
Кругосветный размах, раздол,
Народов Земли великих и малых,
Строют жизнь на новых началах.

Венцы оседлав, они рубят, а пот равен росам,
Ставят спропила, глядя вверх, выгибаясь, как в раме,
Как галки, уселись крыть кровли железом и тесом,
Уютные домики любовно обносят дворами,
Занавески на окна вешают новые,
Садят вокруг сады, деревья фруктовые,
Огороды разводят и цветники,
К ночи улицам газовые рожки
Готовят для света малым и старым.
О, теперь на мечту не положат охулицы,
Она видит, как украшаются улицы
Шеренгой деревьев по тротуарам.

В раскаленной горячке все кустари,
Труд любимый им занимает дух,
Под навесами всюду
Щепки, стружки летят, словно пух,
Строят мебель, упряжь, орудья труда, посуду,
Что чарует глаз по Земле на каждом шагу,
Что чувство бодрит в мировом хозяйстве, именье,
Что душе дает вдохновенье,
Труда кристаллы
Бессмертные руки творят небывало,
Несметное многое делают властно,
На поля поглядывая участно.

А там, на равнинах безбрежных,
Как небо громадных, где родины всех и моя,
На равнинах людных, далеких, смежных,
На края которых оперлися неба края,—
Запряженные лошади, как саранча,
Ползут плуги, точно муравьи,
Точно шлейфы, бороны за собою влача,
А над картами пашен грачи носят стаи свои
В воздухе синем, крылами размаханном.

Там, по вспаханым,
Темным, как ночь, черноземам,
Как черное море полям, как Черное Море,
По Глобусу буйному на вселенском просторе,
Идут сеятели, бросая взмахом знакомым,
В борозды золото зерен.
Сочную грудь ее семенами любой оприветил,
И любой обветрен, смугл, даже черен,

Но ликом благостно светел,
Как вехи маячат они, как свечи всемирного храма.

На Шаре Круглом — гирлянды по выпуклости золотой,
По волнам созревших хлебов пшеницы и жита, —
Как пасхальная писанка, Он кружевом красок повитый,
Человеческой живописью косовицы,
Дневной, огневой.
Точно в путь собираются красные, белые птицы, —
Косари взмахнули зараз одним крылом,
Влево перья взлетели, рядами ложатся,
Подбегают разрозненно, вяжут узлом,
За алою жницей жница.
Нивы точно ситцы краснорядца.

На гумнах взвитыми вверх руками,
И машинами
Встала молотьба, грохоча как пожар,
Как еж мировой цепами вз'ерошился Счастливый Шар,
Как дымом окутан пыли машинной космами длинными, —
Как облаками.
Проходили ●ка за веками
И так никогда не работала Демократия,
Влюбленно.

А по степи строи людские
С одного по другой конец небосклона,
По равнине востока на запад разгонно,
Женщины в ярких сарафанах, белых платках,
Мужчины в рубашках красных, желтых и парусинных,
Надвое степь рассекают валом, как на картинах,
Шпалы, рельсы вмуровывают, словно лестницу в прах,

По ней железные бури помчатся.
Через вал переливами серыми,
Шоссе, перемахивает обрамленное людскими шпалерами.
И ложатся кресты по земле дорог грандиозных,
Кресты знамений отныне безгрозных.

Вот долина подковою гор окольцована,
На склонах взбушованных, диких,
В стремнинах, скалистых пиках,
Ям зияющих пасти раскрыты рискованно,
Углубленья как кратеры.
Внутри, на дне, и снаружи вверху толпятся люди,
Рудокопы, шахтеры, каменоломы в гуде,
В натуге, движеньи, как гладиаторы,
Под землею грохочут раскаты, смяченные глубию,
Раскаты труда, порой ведущие к многопогубью.

В подземных жилах,
Народных бездонных могилах,
Киркой, кайлом
Добывают руду, бытия бродило, солод,
Выворачивает антрацит, граниты и мраморы лом,
Там Дантов ад, а на воле воздух золот,
Здесь вниз по склону летят, как вихрь, вагонетки,
Атлетически вскрытый уголь каменный мчат в долину,
Серые, красные глыбы камней, золотую первину
Молньеносно стремят вмещенную в клетки,

Долина подобна блюду, громадной разетке, —
На ее колоннады утесов парящих,
На могиканов, ветрами изваянных,

Вечностью высеченных седых обелисках,
Небо склонилось с мильонами звездных обозов,
Не изжитых и не измаянных,
В сверканиях, брызгах,
К своему вождю, солнцу, близким.

Долина дивней Вселенной Храма.
На ней могуче, упрямо,
Каменоломы сложили пирамиды из гыб камней,
Из гранита и мрамора высотой десятки сажен,
Шахтеры блестящий уголь вздыбили выше башен,
Рудокопы взвели серебра и злата пыланье огней,
Железа и меди курганы,
Внесены эти апофеозы труда рядами, пространно
По долине бросая на версты громадные черные тени,
Между ними толпы творимых видений,
Ползают чудищами стальными,
В криках и дымах,— то поезда.
Грузя добытое, стремятся восторженные в города.

Путями прямыми,
Как стоверстные спицы, сходясь у оси,
Вместо обода коим кольцо горизонта,
Так дороги железные в клещах ремонта,
Ураганьи стези,
В города вонзились отсюда—вообрази.

Города прекрасной Европы,
Нового Света, Америки, все города,
Азии древней безчисленная их орда,
Африки огненной, где Сахара сжигает людские тропы,
Города несказанно чудесной Австралии,

Города из бетона и мрамора, стали, стекла и цемента,
На пьедестале Альп, Гималаев и всего континента,
Как титанические изваянья, труда вакханалии,
Как белые памятники на кладбищах истории мира,
Как каменных форм величественных мировые поэмы, —
То застывший труд, гениальность, энергии тема,
Страсть, движение огненное в день пира.

Городов улицы, зданья, —
Это мысли, нервы, мускулы со стен глядящие немо, —
Это бывших веков любовь, бытие, его начертанье.

На перспективе материков, —
Города в паутине жердей, поперечин, лесов,
Небоскребы винтообразно в ступеньках подмосток,
Стен почти не видно, образ улиц жесток
От окраин до центра едино.
Вновь отстраивают на иных началах,
На стенах шквал движений вольных, пьяняще шалых,
Поворотов, размахов, разгибов, о покое нет помину,
Точно муравьи, птичьи пестрые стаи за оравой орава,
Облепили кварталы сверху до низу, внутри и снаружи,
Сзади, спереди, слева и справа.
Средь Кругов Труда, буревых полукружий,
Тишина забыта, гам, гомон бесчисленных пчел,

Эй, плечи, плечи!
Эй, мускулы, гордые узлы!
Герои былинные солнечных сел!
Вот они полками по дороге идут далече,
На стройку товарищескую великого Храма Славы,
За армией армия поперек равнины,

На высокую гор вершину,
Где гнездятся орлы,
Идут воздвигнуть на месте, где вымерли травы,
Памятник Равенству, Братству, Борьбе человеческих масс.

Каждый миг, каждый час,
Каждой сакли, избы и хаты,
Города каждого голосов грохочут раскаты,
Как девятый вал за валом о каменный мол,—
Заготавливают провизии новый засол,
Собирая фрукты, плоды и овощи,
В амбары хлопок, манса, пшеницы зерна,
Из музеев на площадь красоту увлекают упорно,
Из банков—залиты горящего золотого сокровища.
Вихрь красок, оркестры громов наш труд приобрел.

Давно его тонким слухом прочел
Наш сонм тысячакикий со множества мест,
Но людям осталось лазури маленький крест
Меж небоскребов двух улиц, вычерченный в синеве.
Разве больше не надо неба, солнца, луны и звезд?
Разве над теменем проклятья крест?
Да, гранит и мрамор, безмолвье молве,
И гимны огненных гор,
Вонзаясь в небо, как жала сверл
Громят острожью, творя светоносную долю,
За усиьем клубя усилье, за волею волю,
Шаг назад и вперед два шага.

Шар Земной—мастерская, над ней облака ввиде флага,
Красного по зарям, подобие алого паруса.
Одно Полушарие—фабрика, другое—завод,

Разделенные четко и мерно, все выше и выше на ярусы,
На сто восемьдесят этажей, до северных белых высот.
И на столько до южных сугробных метелей
Кругами подпоясок параллелей.
Гори завода, гудящий октавой—
Средоточье земное, утроба с пламенной лавой,
Порой мятущаяся в отверстие Везувья,
С страшной силой безумья.
Фабрики двигатель, Вечный Динамо,
Без властительного потогонца:—
Огневое Солнце,
И людских усилий гамма.

Шар земной содрогается адскою дрожью.
От конвульсий миллионов безразумных машин,
Корчились так хребты трудящихся спин,
Вынося ударную боль батожью,
Лес, лес рычагов шевелящихся, маховиков, коромысел,
Лес рабочих рук мускулистых напряжение повысил,
Вихрь мыслей, спицы колес молньеносных,—все смешано,
Все измерено, исчислено, взвешено.

И бешено
Руки творят паровозы, рельсы, моторы, мотыки, ланцеты,
Топоры, напильники, молоты, косы, косилки, болты,
Самокаты и самолеты, плуги, молотилки, железа листы,
Гвозди, подковы для Белого Света.

Атмосфера земли содрогается гимном органным,
Симфонией стали, песни железной безумьем.
Воем золовым, воем самумым.
То синью воздушной, ее океаном,

В крылатом убранстве Птицы-Люди,
В перламутровом блеске, стремительной лихости, тютти,
Точно звездный невиданный Млечный Путь,
Протянулись торжественно по поднебесию.
Сверхчеловеческою процессией:—
Окружить планету, собою замкнуть,
Как кольцом Сатурна,
Торжественно праздновать День Лазурный.

Ей на флаги,
Ей на знамена,
Пресмыкающимся по земле в размеренном шаге,
Творящим бессмертье велику и малу бессонно,
Ткут полотна, сукна, пурпур, шелка,
Руки пролетарьята, бунтовщика,
Мирового атланта.

Природы куранты
Бьют двенадцатый час.
Начинают закройщики человеческих рас,
Портные, портнихи, швеи и модистки,
Социалисты, социалистки,
Кровь которым, огнем приливая к сердцу по венам,
Трудом радостным и вдохновенным
Зажигает глаза и руки быстрит,—
Одевать народы чудесно, как землю весною зелень,

Одевать выразительно, каждый каждому целен,
И любой не былинка горных расселин,
Но царь мироздания,
И одежда его—верный раб и щит,
Одежда—зеркало самопознания,

Одежда — образ души,
Как тело — образ вселенной.
Расцветают тела красотой совершенной,
И стерла душа к душе рубежи.

Художники пишут плакатов большие холстины,
Шумные вывески творят гении,
Картины, граюры, портреты, —
Украшать комнаты, залы, гостиницы,
Венчать магазины, фронтоны зданий поры взнесений.
Лепят скульпторы монументы статуй,
Площадь возвеличили бронзовые атлеты,
Рабочий, ученый, поэт, вождь народный, оратай,
Композиторы звуками жизнь колышат,
Душу народную солнечно движут.

Но гаснет искрой день,
Нисходит на землю вечер звончат.
Человечество труд свой закончит,
В сердцах распушится грез цветень.
Но не спят ученые,
Вожди, астрономы,
Их великие мысли дела миллионные
Зрят землю в пучине, исследуя Бездорожье,
Со стихиями, смертью воюют, колебля громы.

Человечество сумрачной содрогается дрожью,
Вспоминая былое прожитых лет,
Бесконечных дней вереницу бед,
Оборвавшуюся у его подножья,
Ныне Шар Земной по космическому простору,
По орбите летящий стремглав абрикос,

Цветущий, сочный, зеленый колосс,
Моему, товарищи, обостренному взору
Представляется, видится, там и сям румяный
От яблок садов безбрежных, лесов яблоневых,
Он слепительно белый местами от цветений вишневых,
Ароматный, благоуханный,
Золотой от колеблемых ветром пшениц.

Я пою Тебя, я, мировой малыш,
Мне в экстазе хочется ниц.
И пасть не могу, — Ты, Ты вверху орбитой летишь.
На Тебе забылися сном человечества члены, суставы,
Им солнце Праздника Славы
Отопрет замки ресниц.

Человечество свой все высит рост
До неба сзеркающих многоточий,
В золотое пламя пылающих звезд,
Врывается в землю — глубину ея средоточий,
Растекается в воздухе, как туч литовых вода,
В разлете по ней, как птичьи стан,
В порыве вскрыть покровы майи,
За страданьем страданье изгнать усиьем труда,
Законы природы в закон для природы иная,
Свергнуть Бога,
Его заменить коллективом товарищества мирового,
Могущество и героизм поставить на место плача.

Кует человечество идеалы всеобщего мужества,
Единство биенья сердец, кругового родства,
Мировой согласованности, содружества.
От былинки, по царствам всего естества,

До Сверхчеловека.

О, класс страданий, труда и борьбы,
День твоей венценосной судьбы
Встает. И пламень поэта, как пламень костра,
Слова и чувства поэта, пророка и брата,
Полыхая, гремят по заре утра
Со ската
Высоких гор.

Со взгорья высоких гор,
Похожих на Дикий Кремль, природой воздвигнутый,
Весь в острых скалах, уступах, изломах,
Там вогнутый внутрь, здесь выгнутый,
Окруживший безмерной равнины простор,
Где села, нивы людей знакомых,
Где нивы качают золота гребни
На черноземе, на щебне,—

Со взгорья гор,
Кремля Дикого, снаружи охваченного океаном,
Где на полосе бесконечной прибрежной
Разместились столицы всего человечества станом,
Как голуби стаями, нежно,—

Со взгорья Высоких гор,
Где на самой вершине Храм величественный, Храм Славы,
Пантеону подобный, арабесками убранный кудряво,
С колоннами мраморными, в коем спят герои свято,—
Пламень поэта, как пламень костра,
Слова и чувства поэта, пророка и брата,
Полыхая, гремят по заре утра.

* * *

Главный вход Храма Славы обращен не на равнину, а в сторону Океана. Ступени его, Лестница Триумфа, треугольником спускаются до четвертой части горы, все расширяясь, к низу делаются громадными. На верху ступени в красном плаще стоит Поэт, в громогласную трубу возглашая. Точно образ Славы над Океаном три луча перед восходом солнца.

П о э т.

Ни взвоят вихри, ни вскрикнут страны,—
Веков величья вершится час,
Сыны восстанья, на зов багряный,
На праздник Славы, миллионы масс.

Тысячегромный, триумф железный,
Триумф воззволит брату брат,
Восторжествует царям безвестный,
Земле известный пролетарьят.

Воспряньте в час сей, поднявши головы,
Отныне вечный святой ваш труд
Не будет тяжестью, как глыбы олова,
Не будет мукою, как крест и кнут.

На поездах, чугунных ураганах,
Повитых лаврами и пурпуром знамен,
Пробейтесь сквозь хребты во мглах гортанных,
Пробейтесь сквозь заслон по недрам гор вразгон,

Ведь суша—только остров ущербленный,
Средь океанских вековечных вод,
На берег, грань стихий, воды, земли зеленой!
О, к солнцу, воздуху, здесь синий, синий свод!

Здесь будет дан триумф былым труда титанам,
Борцам за идеал, распятым и живым,
В содружестве стихий, венчанных светлым саном,
Бессмертным саном равенства и братства круговым.

Из-за колонн Храма Славы выходит Вождь. Огромный лоб, изсеченный морщинами, и череп, не покрытый волосами, лицо светлое и мужественное. На первой ступени Лестницы Триумфа, весь в алом, он обращается по одну сторону Дикого Кремля и по другую, и громогласный рупор разносит его слова. Перед ним в океане солнце показало свой красный диск. Мечи лучей размахнулись в небо и по сторонам над поверхностью вод, всеообразно украсив океан фантастической короной.

В о ж д ь.

Вам, племена, вам, нации и расы,
Труду, свободней орлего крыла,
Привет восторженный, родные массы, массы,
Привет вам, прокаленный до-бела.

Вам, на заре открывшим взор любовный,
Вам, начинателям, со взором мудреца,—
Привет и мир, идеей данный кровной,
Привет и мир без пения свинца.

Гранитность мужества, безумство героизма,
Что проявили вы среди бездны бед,

Хранит в себе, как золотые письма,
Мощь человечества — поэт,

И мощь его, как ваша мощь, космична,
Мне слышится, как стонут недра гор,
Мне внятен гул их тысячеязычный,
Разбег ободьев, ветра свист в упор.

То колесницы тяжкого металла
На праздник Славы держат дюжий лет,
Вот вижу, как пурпуровые шквалы, —
Стремглавно порываются вперед.

Вот вижу я, как толпами отдельно
К подошве гор, вершине Храма Славы,
Идете вы, безмерны, величавы,
На праздник Славы, —

Ступенями, уступами, все выше,
Где на века-веков погребены
Твои борцы, привет неся им в ниши,
И на века-веков огонь весны.

Мы вместе, вместе за предел земного,
Готовы вместе сделать первый шаг,
А цель — Искусство, Знание вне Бога,
Братанье чрез борьбу с Стихиями для благ.

Братаньем с змеями, чей яд уж не отравя,
С зверьми, кому уж нечем длить свой век,
И птицами — Совместный Человек
Лицо изменит мира, — слава, слава!

С гор во все стороны видно, как Земля покрылась лепестками цветов всех красок, и ароматы над Ней невидимо стелются волнами, и каждый вершок Ее звучит невыразимой музыкой, понятной всему живому. Солнце отделилось от поверхности океанских вод. Колонны Храма Славы и Лестница Триумфа золотисто алы, и стоят в золотистом свете Поэт и Вождь. Гудит Земля.

З е м л я.

Об'яты восторга огнем первозданным,
Толпами движутся люди по улицам сел, деревень,
В городах, столицах на Шаре Моем осиянном,
По мостовым, тротуарам, благословляя день,
Благословляя час.
На Праздник Славы за колонной колонна,
За строем строй влюбленно,
Течет за потоком поток человеческих масс.

Всю ночь готовила вам цветы,
Всюду, на камнях, песках пустыни,
В лесах, на полях отныне
Разостлала вам материнский ковер красоты,
Украсьтесь ими, себя расцветите,
Пусть каждый станет моим букетом,
Я сама сегодня планета планетам,
Букет круглый вселенский, вращающийся по орбите.

Миновала — одних другими —
Круговая облава,
Вам, рожденным нагими,
Слава, слава.

Воздух сделался несказанно светлым и прозрачным. Ласково, точно шелками, кутает Землю, колышет Ее ароматы, касается прядей людских

волос, нежно шевелит складками одежд, словно пальцами любящее существо. И такой чуткий и послушный. Всюду эхо и отклик! Грудь Океана замерла, не дышит.

В о з д у х.

Вижу отроки, отроковицы проносятся
Вал за валом,
Волна за волной к началам,
Крепко за руки взявшись, братоносцы и братоносицы.
Сколько лиц веселых, светлым солнцем залитых,
Сколько блесков глаз удивленно раскрытых,
Красных ртов раскрытых, звенящих.

- Все, все, все!
- На горы, ввысь!
- Будь каждый в цветах, как росе!
- Равенству, Братству научись!

Вот стремятся ряды молодые, девичьи
Перелетом счастливым,
Жажда во взгляде любопытно-пугливом,
Красота всего мира на их лицах,
Их стройные станы, как белых березок стволы,
Как крепкая бронза, — тела их любовью горят,
В руках знамена горят,
Светлым хором звучат голосов хвалы.

- Слава героям нашим!
- Слава бессмертным зодчим!
- Крепким рукам рабочим,
- Протянутым к радости чашам.

Ваши нежные души
Исцелять обещаюсь
На воде и суше,
Не прощаясь.
Колебанья, дрожанья во мгновение ока
Передать издалека
Сердца сердцу ручаюсь.

На лазурном небе Солнце распростерто свои лучи словно громадная ромашка свои лепестки и благословляет ими Землю. Сколько взор охватывает скалы, вершины и склоны гор все залито светом высоко поднявшегося Солнца. Четко вырисовываются черные кипарисы по сторонам Храма Славы.

С о л н ц е .

Вслед кипят юноши в восторженной оргии,
Широкоплечие, ростом высокие витязи,
Клубятся знамена на древках тесовой вытеси,
Есть на конях, точно Победоносцы Георгии.
Идут быстро, мерно, точно войска,
Вдохновенные энтузиасты,
Их цель высока,
Народа сыны, не древней касты,
В одеждах пурпурных, сверкающих тканях,
Их пенье звучит в лучах Моих ранних.

Вот шествуют женщины батальонами слитыми,
Моим пламенем вздыблены их пышные груди,
Прекрасно означены чресла, не оскверненные в блуде,
Дальше матери на руках с детьми здоровыми, сытыми,
Еще дальше мушны с гордою шеей,
Мышцами крепкими, благородными лбами,

Всечеловеческой идеей,
Гимн гремит над мирами.

Я лучами клянуся юноши,
Быть вашими мускулами и пламенной кровью,
Дать оленью вам грацию, силу слоновью.
Для кого победить — я скую ножи.
Об'ятое вечно лазурною твердью,
Вас насыщу любовью,
Своему буду радо усердью.

И вам моя клятва,
Мной загорелые,
Кем начата жатва
Мущины и женщины зрелые,

Океан как бесконечно громадное зеркало, в котором погружено другое солнце, словно распутивший лепестки подсолнечник. На самом горизонте, как поплавки, виднеются красные суда. Корабли пароходы, на набережной украшены флагами и гирляндами цветов, четко отражаются в заркале вод.

•

О к е а н .

В тысячах дымов,
Суда триумфальные, точно левиафаны,
По Мне распластанному недвижимо,
Плывут по стеклу „океана“.
Я баюкаю их,
Как отец, нет — мать,
Могучую рать.

Вам Себя отдаю
Сполна •

И Моя волна
Вас колышет—баю, баю,
Сердце слышит Гимн не раз гремевший в бою.

Точно пчелы над Шаром Земным, Круглым Ульем в цветах, точно рой,—
Человечество поет Гимн Труда. Природа—само Солнце, Воздух, Земля—
гремят аккомпанементом неслыханной музыки.

Гимн труда.

Благословен Труда приход,
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века, века.

Трудятся вечные светила,
Трудом вселенная рождаются, живут.
В истории миров одно, одно лишь было
Творенье, Созиданье, Труд.
В Начале был его раскат,
Звучанье, гуд,
Жми крепче руку брату брат.
На мирный Труд.

Мы были вечными рабами
И говорящими орудьями труда,
На сцене мира умирали в драме
И слышали мы визг кнута.
Нас хлест его сопровождал
И тонкий свист,
Лиц перекошенных оскал
Был кровавист.

Благословен Труда приход.
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века, века.

Царям и королям гробницы
И лабиринты для немых забав,
Безумья башни и на них бойницы,
Для сумрачных и жалких слав
Мы строили. Но час пробил тиранов:
Мы воцарили над землею Труд.
Он пурпуром горит, горит багряно
Наш Храм, Приют.

Мы ныне рост свой усторили
И силы вздыбили, любой из нас титан.
Товарищество выковали, взвили
Во флагах алых далям стран,
Демократией зваться стал
Пролетарьят.
За валом вал о стены скал,
За братом брат

Благословен Труда приход,
Его ступня легка, легка,
Благословен из рода в род
На все века,
На все века.

От Храма Славы в обе стороны, по всему взгорью, до подножья город-
ских крыш,—расцвеченные красными флагами, праздничными одеждами,
цветами и сами как цветы—раскинулись четырьмя секторами, два

женских, два мужских, точно четырьмя громадными лучами, несметные человеческие массы. Спереди отроки и отроковицы, за ними юноши и девушки, ниже молодые женщины и мужчины, еще ниже старые. По ступеням Лестницы Триумфа сходит на самую середину ее, одетый в праздничное, возглашая слова, Народный Избранник.

Народный Избранник.

Настала новая летосчисленья эра,
Народ, народ, мир общ и всеедин,
От века в нас средь бурь не гасла вера,
Навеки—знание причин.

Борьба и Труд, Наука и Искусство,—
То символы, Евангелье, Коран,—
Борьба с хассом за согласия план,
Борьба—искус Твой.

Труд за сближение с пернатыми небес,
Животными, зверями в логовищах
И пресмыкающимися на днищах,
Труд—чудо из чудес.

Осуществится все до мала, тонка,
Со львами вол соединит стопы,
Возляжет волк у слабых ног ягненка,
Перекуются копы на серпы.

Для человека человек стал братом,
Борьба и Труд—товарищ божество,
Борьба и Труд—изменяют естество,
Мы будем человечеством крылатым.

Салют пушек возвещает начало Праздника. Шеренга судов за версту от берега остановилась полукругом, ломанно отражаясь в воде, загремела гудками железный гимн. Вокзалы им вторят локомотивами. Воздушные корабли, сверкая молниями на недостижимой высоте, кружась тучами, низвергают с шумом ливня цветы на гробницы Храма Избранных Народных, ступени Лестницы Триумфа и всю человеческую массу, застывшую по склонам гор. По секторам поднимаются трубы оркестров, торжественно начиная Песнь Славы. В громогласную трубу возглашает ее слова Поэт.

Поэт.

Песнь огня, беспримерную песнь величавую,
Песню Славы пропеть я хочу о тебе,
О страданьи твоём не увенчанном славою,
О нём содроганьи на смертной дыбе.

Я пожаров языки твоим уподоблю протестам,
Как за Равенство, Братство ты шествовала на расстрел,
Как на площади красной свист пуль отстраняла ты жестом,
Память, вечная память стене в консульских тел.

Твоей участи кровью написанной слава,
Твоей поступи тяжкой железной хвала,
Победной борьбе от столицы до хаты села,
Силе рук, Шар Земной для которых забава.

Твои мощные плечи, могучие Космоса плечи,
В бурях пересоздай Землю Круглую в Круглый Храм,
Размахнись, размахнись, начерти орбиты мирам,
Слава, слава навеки за клич на вселенское вече,
Слава, слава тебе в ореоле лучей по утрам!

Твое Дело — всего Человечества Дело,
И твоё господство — господство всех,

Слава, слава ступавшему путями пылающих вех,
Слава, слава навеки понесшему бремя неправды всецело,
Слава, слава тебе искупившему тысячелетий грех!

На вершине Лестницы Триумфа Свобода в образе величавой жены, по обе стороны Равенство и Братство в образе сильных, красивых юношей в алых одеждах с черной оторочкой внизу и на рукавах. По ступеням книзу расположены гробницы героев, на которые воздушные корабли низвергают водопады роз, янтаря, незабудок. День потускнел, на Солнце облачка, ветерок зашептал листьями тополей, кипарисов вокруг Храма Славы. На Океане отраженья судов изломались, разслоились. Человеческие массы притихли. Оркестр у Храма заиграл торжественно Похоронный Марш и раздалось печальное трио Свободы, Равенства и Братства, затем и всех необозримых масс, опустившихся на колени.

Похоронный марш.

Рыдало все, когда мы умирали,
Святое солнце свой гасило свет,
Мрак ледяной окутывал во след
Глаза нам и окрестности и дали.

И ветра вой гудел со всех сторон,
Сзывая вихри, окликая бури,
И те слетались, и в беспросветной хмури,
Кружась вопили, нас приветил сон.

Земля стонала, с нею мы стонали,
И громом непрерывным слух был сыт.
— Товарищи, победа, враг разбит,
Огнем и радостью друзья нам прокричали.

И мы спокойно сладостно уснули
С надеждою воскреснуть в брате брат,

О, будьте счастливы, кем Шар Земной об'ят,
Вы, вы, товарищи, обойденные пулей".

Так говорят герои битв багряных,
Печаль веков глаголет из гробниц,
Им память вечная на высях гор границ,
Им память вечная, Им, в облачных туманах.

Малютки-девочки и мальчики—малютки стройными детскими рядами
подходят к гробницам и, окружив каждую, красивыми корзиночками с
цветами и, заключив каждую в цветочную раму,—так же стройно и дет-
ски задумчиво возвращаются к матерям. Свобода, Равенство и Братство
стоят живые прекрасные, и ветер чуть шевелит складки их алых одежд.
Оркестры по секторам начинают Гимн Человечества, сначала задумчиво
и мелодично, затем энергично и величаво, далее вызывающе победно и
побеждающе.

Гимн человечества.

Усилиями усилий трудовых
За тайной тайна вырванная нами
В междупланетной голубой программе
Хаоса и стихий глугоемых.
Мы царствам естества родня, родня—
Растеньям, рыбам, птицам и животным,
И минералам, и гранитам плотным,
Тысячелетьям ночи, дня.

Пусть смерть угрожает костляво,
Но Храм Человечеству, светлым героям,
Мы строим, мы строим
Во славу.

Мы ясная живая голова
Всех Человечеств, всех тысячелетий,
Их туловищ почивших на планете
До нас и отдаленней и сперва.
Мы мысли одного крутого лба,
Мы буквы мирового алфавита
В одном все судьбы, всех в одном судьба.
Друг в дружку вплетены, друг в дружку вшиты.

Пусть смерть угрожает костляво,
Но Храм Человечеству светлым героям
Мы строим, мы строим,
Во славу, славу.

Героя мы собою создаем,
Как ту рубашку мир по тонкой нити,
Он лишь последнее звено событий,
Он водомет, глубокий водоем.
Мы тучи, — он разлет грозовой молнии,
Мы рук размах, — он властно сжатый меч,
Мы всеуста, — он пламенная речь,
Мы Повеленье, — он Его Исполни.

Пусть смерть угрожает костляво,
Но храм Человечеству светлым героям
Мы строим, мы строим, мы строим,
Во славу, славу,

Единство мы, пока Земля жива,
Зеленая, родимая, родная:
Пусть вечности нас мелют жернова,
Зерно земное в хлеба корован,

Пусть и Ее, измучив до скелета,
В муку и пыль бесшумно разотрут,
Мы на другую вылетим планету,
Борьба бессмертна и бессмертен Труд.

Пусть смерть угрожает костляво,
Но Храм Человечеству светлым героям
Во славу, во славу, во славу
Мы строим.

Гробницы унесены в Храм Славы Народными Избранниками. На верхней ступени Лестницы Триумфа, где стояла Свобода, снова Поэт и Вождь. Ниже, по ступеням Лестницы, главный оркестр. Его поднятые медные трубы точно лучи восходящего солнца. Небо ясно, Солнце уже в зените. Океан тих, на нем и на набережной суда расцвеченные, четко отражаются в воде. Секторы масс по взгорью будут петь Марш Восстанья, сначала мужской, затем женский. Зарокотал оркестр.

Марш восстанья.

Сектор мужской без юношей и отроков.

Как нефти гейзеры горящей
Вихрятся разбушованно в лазурь,
Как камни, камни напряженных пращей
Взметнулись ввысь на злую хмурь, —
Так грозных звуков ураганы,
Так горл кровавый горький крик
О твердь ударился багряно,
Отхлынув молнией ломких пик.

Все в мужском секторе.

Стали стоны громами
Поражать без мечей,

Ржет радостно пламя
В палатах палачей.

Мужской сектор без отроков и юношей.

Земля и воля стали явью
Всесветной светлости крестьян,
Заводы, фабрики бесправья
Возмет трудящийся смутян,
Народ, благообразный ликом,
Века быв непробудно пьян,
Восстал свободным и великим,
И трезвым трудовой Касьян.

Все в мужском секторе.

Слава, слава рабочим,
Слава, слава жнецам,
Мечи острей отточим
И в руки вновь борцам.

Женский сектор без отроковиц и юниц.

Французам, русским слава, слава,
Бельгийцам, датчанам хвала,
Ирландцам, англичанам браво,
Американцам гимн орла,
Японцам слава, итальянцам,
Китайцам, сербам, грекам честь,
Австрийцам, полякам, германцам
И шведам сладостная весть.

Все в женском секторе.

Слава вас увенчала,
Слава, слава всем нам,
Мечи мы на орала -
Перекуем сынам.

Оба сектора без юношей, девушек, отроковиц.

Пожар восстаний, революций
И мятежей достиг до звезд,
Свод огненной десницей, шуйцей,
Обняв лобзает дик и прост,
На пеплах сумрачных пожарищ
Пяти земных материков
Товарищу любой товарищ
Срывает наручни оков.

Все в обоих секторах зараз.

Стали стоны громами,
Поражают без мечей,
Жрет радостное пламя
Палаты богачей.

* * *

Солнце над равниной. Пики гор отбросили громадные тени на часть Океана. Вечереет, толпы старых людей возвращаются в города, попадаетеся и зрелый возраст. Теперь взгорье в полном распоряжении детей, юношей и девушек, молодых женщин и мужчин. Они изумительно разыгрывают в лицах свои песенки под музыку оркестров. Хороводят и танцуют. Слышатся отдельные строфы песенок, музыкальных мелодий.

Голоса мальчиков.

Мотыльков мы наловим
И бабочек вам,
Вспорхнуть к небесам
Жемчужным, лиловым.

Волшебники мы,
Все дивное можем,
Малюткам прохожим
Не будет зимы.

Голоса девочек.

Ах, ах, не разбиться,
Вдруг белый мороз,
Я, я кружевница,
Мы, мы на покос,

Из шояка и льна
Вам выткем рубашки,
Гуляй нараспашку,
Нет зимы, все весна.

Юноши.

Мы о вас, о вас только думаем,
Наше небо давным на земле,
Неба гром оспорился Везувием,
Облака — ваших кос волосами,
А звезды — глазами
В ресничной таинственной нгале.

Как герои гробниц величавые,
Наши братья бессмертного сна,
Мы готовы на подвиги правые,
И на празднике нашем великом
Художники стыком
Начертят о нас писмена.

Девушки.

Обещанья у вас не случайны,
И мы верим душой беззаветною,
Что за тайною тайну запретную
Людам вырвите ты у соседа,—
У хаоса-деда,—
И нашу сердечную тайну.

Скоро вечер настанет любезный,
Ветерком освежаемый ласковым,
Будет счастье знойное, сказка вам,
Просветленным, лукаво печальным.
О, знакома даль нам,
И Огонь увлекающий, звездный.

Мужчины.

Наша сила и мощь наша орляя
Десятилетиями буйно растет,
Тысячерукая, тысячегорлая,
Тысячесильная сила—Народ.

Женщины.

Славься земное... (не расслышишь).
Сила, здоровье—лекарство от бед

Дети симфония, дети бессмертие,
Дети грядущее, дети рассвет.

Вечер и звезды. Огни по набережной. Храм Славы залит огнями, взгорье сказочно иллюминировано. Иду по улице. Впереди, в окно освещенное, неплотно прикрытое занавеской заглядывают две Старушки. Прохожу дальше, то же, — два Старика.

Две старушки.

- Ох, ох, целуются, обое красивые и молодые.
- И бесстыдница же она. Ах, да что я?
- При нас любви не было, поцелуй были.
- Да... Теперь и любовь, и поцелуй.

Два старика.

- Что там?
- Зарождают новую жизнь в огне и буре.. Да...
- Идем, старый друг. Хорошо ли на них...
- Все хорошо, все свято, все прекрасно.
- И это?
- Тем более это. Не так было 70 лет назад.

МАССЫ.

Имя красных масс,
Гулкий труд, огневые дела,
Отовсюду глядят без конца, без числа,
Отовсюду кричат каждый миг, каждый час
На вас.

Поезда в пыланьях чугунные,
Ревущие черные ураганы табунные,
Человечьи кометы,—
В полете крылатом колес,
Где вместо ободьев спину корчат рабочие гунны,
Руки вытянув миллионами спиц,
Орут ораньем ослиц
Имя грозное масс,
Чье имя колосс.

На небе ночном электрический пляс,
Световые рекламы, поэмы света,
Железные вывески, башни, минареты,
И колокольни
При солнце, сверкании молний
Повествуют о имени масс
Всех рас.

О, знают о ней заметно
И земные владыки.

Ее движений яростный шторм и дикие крики
Навсегда свихнут королей короны, царей престолы,
Как волны морские разрушают гранитные молы.

Масса — это горны,
Масса — это домны,
Творящая судорожно, упорно,
Творящая рай неумно.

Вот гудки заревели вдали
Гимн железный пурпурному утру,
Город спит, чуть шевелятся рынки, —
Но массы уж движутся, пыль раздувая, как пудру,
По улицам и переулкам.

Потоками катятся блузы, косынки,
В бурых фартуках каменщики, печники,
За плечами с котомкой плотники и пильщики,
Маляры с лесом кистей и ведрами в строе гулком.

Вот фабрика, —
Здесь ряды железных ткацких станков,
И ряды женщин — искусных ткачих.
Их руки мелькают в ритм рычагов,
И фигуры в движении их
Глаза зажжены огневою жаждой,
Лица мертвенно бледны у всех
От горящей перед каждой
Дуги электрического канделябрика, —
Эхо лихорадочно ткущая фабрика,
Для нужд и немолчных утех.

Вот толпы обугленных лиц, неестественных поз,
В черных шахтах угольных,
В сумерках смольных.
По штольням и штрекам,
По коридорам,
Подобно калекам,—
В ползках, грубо обнажены, каждый простоволос,
Каждый скорчен, скован, с расширенным взором,
Безумно долбят уголь каменный клином кайла,
Зубом железным кирки.
Багряного света скачки
Освещают лоснящиеся в натужном движении тела.

Извлекая солнце
Из черных пластов пропастей,
Шар земной, как пирог начинкою тел и костей,
Сдобряем собой для властительного потогонца.

В каждой кузнице,
Нашей доли союзнице,
Ковачи пред горном
С пурпуром отсвета на изваянных лицах,
На голых руках в размахе молотом черным,
На буйно изогнутых спинах и выпуклых мышцах,—
На наковальнях, точно глыбах железных,
Мощно куют.

Бешенно быют
В белый, скорченный, грубый металл,
Искры кружатся, как метеоры полуночей звездных,
Лязги грызутся, шипят, точно челюсти тысяч жал.

Недра дрожат,
Дико ухают бездны от буйных усилий,
От адских ударов по каменной миле за милей
В беспросветных раскроях земли.
Недра стонут, скрежещут, визжат.

И гудит земли расстоянья любая верста,
И все спины людские согбены, напряжены выи,
Учащенно дышат запекшиеся уста.

Гудят мостовья,
Горла черные копей,
Недра гор, города, полушарий кора
По Америке, Азии, Африке и Европе,
На востоке и западе, севере, юге — и всюду,
В содроганьи безумного зуда,
С утра до утра.

Всюду за молотом молоты без усталы бьют
Свой идеал энергично куют,
Массы куют,
Массы упорно долбят,
Рвут из гранита, из стали и золота льют, —
Под заглушенный красный набат
Счастье векам, — о, хвала!

Массы куют себе долю орла,
Плавят себя в тиглях века,
В единого сверхчеловека,
Стать титаническим сердцем и мозгом, и станут.
Перед горном железо, пронизанное огнем до-бела,
Железо на наковальнях, — оно не обманет.

1914 г.

КУЗНЕЦЫ.

Любовались вами не раз
Миллионы ласковых глаз,
И века веков поэты, неистовых вас,
Воспевали не раз.

Но я, молодой ваш певец,
Я сам кузнец,
Сам железо умею ковать и кую.
И пою.

Знал я кузниц не мало, .
Видел тысячи, больше, —
От снежной Сибири, до гниlostной Польши,
От угрюмой Финляндии, до огневого Кавказа,
За кузницей кузница, дляковки металла,
Встала
В восторге экстаза.

На наковальнях, как на плахах,
Близ горящих печей,
Багрянеют железа куски,
Корчатся, гнутся, ожидая творящей руки
Ковачей
В нагрудниках кожаных, грубых рубахах.

Вот с засученными рукавами встают,
Нагибаются молоты взять,
В ладони рук, в полусжатые пальцы плюют,
За толпою толпа, за ратью могучая рать.
Но часа ждут, но знака ждут
Беспримерно ковать,
А горна горят и пурпура блики бросают
Средь ночей
На фигуры стихийных ковачей.

Начинают—
В молниях, громах.
Безудержный взмах
Тысячи тысяч стремительных рук,
Вскинувших вдруг
Молоты кверху в багряных потьмах.

— Дзбум!

Искры песком, когда грянет самум,
Искры метнулись мятьею лучистых колец
Над лбом любого, точно венец.
Каждый профиль стал бронзов, каждый бур.

Точно группы художественных скульптур,
Полыхающим отсветом высечен каждый кузнец.
Напряженный мгновеньем размаха,
С громадными мускулами прекрасный неряха,
Весь мощь, весь движенье в железных забавлах,
Стан сгибая, свой молот бросает,
Разгибая, блестящий вздымает

Тот слева, тот справа,
В сумерках красных, бликах кровавых
Вереницей куют.
И поют.

О д н и

Здесь буйно, здесь буйно, здесь бьем по металлу.
День длинный, вздымая за молотом молот
И пламенн и золот,
Горласт, каких мало,
В раскалы вонзаясь, гудит, как набат,
Мы знаем, мы знаем весь край непочат,
Работы так много,
Работы железной,
Совместной:—
Над бездной,—
Капитала бердога.

Д р у г и е

— Мы куем, куем иную,
Мы стальную жизнь куем,
Не минуем, золотую
Отольем.
Пламень, пламень идеала,
Мысли мощь, начал начала
Небывало отольем,
Ей, скуем!

Т р е т ь и

— Крепки мускулы у нас,
У рабочих зодчих масс,

У рабочих рук формующих металл,
Мировой Демократии, — телом буйвол, духом бог.
• Неизбежно, неизбежно день настал.
Нам пророчески молвит
За молотом молот,
Труба боевая и рог
О том.
И с ясного неба торжественный гром
Прокричал в этот массами кованный век:

-- Кто не кузнец, не человек.

ПРАЗДНИК СОЛНЦА *).

Медь надменная, — не клетоты орла,
Бронзы брань, — не звон призывный.
Переливный,
Колоколен не гудят колокола,
Оковала гул металла ночи мгла.

Бубны бьют
И трубят трубы,
Звуки вольны, остры, грубы.
Клубы вьют, живые клубы,
Звон куют, восторг куют.

В гимнах гулких
Славят солнце, землю, зелень,
Цвет равнин, былинки каменных расселин,
День кружат на площадях и в переулках,
У раскрытых окон шумного бессонного завода,
Над задымленною фабрикой, где сумрачные лица
Скрыты жутко вековым гранитом свода,
Спины гнут за вереницей вереница.

Без раздумья и без страха,
Пусть шахтеры сложат острые кирки,
Пусть ткачи оставят шумные станки,
Кузнецы отбросят молоты сразмаха,

Пусть гудки
Свой звон тоски
Сдержат властно, как джигиты карабаха.

Трубят трубы,
Вьются флаги, точно огненные гривы,
Ветер зыбит,
Ветер кромсает их буйные порывы
В час багряный, когда мрак отовсюду выбит,
Мир на праздник встал любовно и красиво

Клич гремит — сомкнуться, слиться,
Морем масс, в себя влюбленных,
Опьяненных, исступленных,
По полям, лугам разлиться.

Эй, трудящиеся толпы, величавы и пестры,
Там воочью,
Там нам ночью,
Заблестят небес костры,
Дрогнут груди страстной мочью, опускаясь на ковры.

Триста дней не видя солнца,
Триста дней себя не видя,
Ныне выйдя
В день весенний, ослепительней червонца,
На просторы, — кругозору надо юных научить.

В сердце солнце нам стучит,
Солнце встало, солнце встало, —
От велика и до мала,

Всех согреть, олучит,
Как бывало.

Всюду зелень, солнце юга,
Всюду золото,
Всюду золото,
Брат за брата,
Друг за друга, друг за друга.

Так скликайтесь,
Так смыкайтесь,
Для веселья, для игры,
В русла улиц на асфальты
Нас певцы, баяны, скальды
Поведут на луг, в шатры,
На просторы,
Тешить взоры,
На траве свершать пиры.

1916 г.

*) Напечатано в журнале „Летопись“ в 1916 г.

С РАБОТЫ.

Посторонитесь, рабочий идет,
Уступите асфальты, к фундаментам станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В мытарствах мук, по Кругам Испытания, как Тот.

Пусть идут,
Кого не растерли зубы стальных шестерень,
Не втащила крючками воронка адского бала,
Не растерла подошва шагов Капитала,—
Идут, чьи облики буры,
Чьи пыльны нагрудники, волосы и картузы,
Чья в извести обувь по мостовой оставляет мазы,
Вот эти все каменщики, маляры, штукатуры,
Вот эти! Вот эта железная, сытая мощью толпа.

Пусть идут свободно, кому не изгрыз черепа
Скрежет завода, глаза не обжог пламень домен,
Рук, ног не сорвал вихрь фабрик немолчных
В дыме и копоти,
Видите блузы,—меж ними ни хмурых, ни желчных,
Слышите смех своевольный, уверенный гомон,
Буйство в безчисленном топоте,
Неотвратимую быль?

Вот улицей скачет извозчик, веселый бобыль,
Лихач высекает подковами искры из плит мостовой,
Автомобиль в синем облаке пыли и дыма—

Стой, стой!

Идут рабочие, не один из них погиб.

Идут с наростами пыли, как грима,

Из каменоломен—атланты труда,

Гладнаторы глыб,

Жилистые, огрубелые раз навсегда,

Мускулистые, рослые, с добрым оскалом улыб,

Бросив кирки, как кочерги в горн кочегары,

Дичась тротуара,

Толпами идут шахтеры,

Темней эфиопов, обугленной пней на поляне лесной,

Искатели черного золота, горные гномы—

Рады вечернему солнцу, с дневным не знакомы,

Синему небу, прозрачному воздуху рады.

Гуляющих дам, кавалеров каскады,

Свадебный поезд, кортеж погребальный,

Кортеж триумфальный,—

Стой!

И не движься, пока не пройдет толпа за топой,

Близ вас, мимо вас в глухие концы.

Вы все, кто имеет дворцы,

Небоскребы, особняки,

Магазины, заводы и рудники,

У кого от безделья мигрень,

Посторонитесь, рабочий идет!

Уступите асфальты, к фундаментам станьте,

Дайте дорогу ему, современному Данте,

Пробывшему день

В мытарствах мук, по Кругам Испытания, как Тот!*)

*) Напечатано в „Правде“ 1913 г.

III

СИМФОНІЯ ПОЛА.

МАТЬ.

Все, все, что видишь ты,
Что в мире,—все твое!

На всем твои черты,
Твоей руки печать,—
Ты бытиё,
Ты мир в себе таишь, о мать!

Тысячелетий рать, века веков
Ты вырастила без поводырей,—
Мать матерей,
И мать земных сынов.

Лицо земли, что смугло от загара,
Ее высокая, напрягшаяся грудь,
Ее утроба, знающая нудь
И радость, и властительные чары,—
Земля, прообраз твой.

Ты вспомни села, города, их буйства,
Свет электрический и молнии телеграфа,
Машины и дворцы, и статуи искусства,
Толстого слово и поэмы Сафо.

Взгляни на бесконечные поля,
На пашни черные, где сеятели бродят,

На нивы в золоте, где в такт косами водят,
На мостовые с гулом дрогаля,
Проникни в шахты, фабрики, заводы,
В любую комнату ребенка и отца,
В простую душу, душу мудреца,
В вещь незаметную, — свои увидишь роды.

Мир человеческий, мир выковал мужчина,
Дала мужчину ты, — как сына.

Пламенем неумным,
Неукротимым, как стихия огня,
В конвульсиях страсти дрожа и стена,
Насыщаясь желаньем застенчивым, томным, —
Ты на ложе скромном,
Во мраке дразнящем, густом.
Рот прикрыт другим, обжигающим ртом,
Грудь обнаженная
Прикрыта другою грудью, замороженной,
Не отцветая, цветешь, горишь; не сгорая,
Целомудрием бьешься, безудержьем блуда.

А вот крики по всей земле от края до края,
Вестники чуда,
От зари до зари раздаются в ушах.
То крик рожениц
В дворцах, кибитках, лачугах и шалашах,
Как на кострах, на мучительных ложах,
Как на жертвенниках повергнутые святыя сосуды,
Матерей утробы святыя,
Жизни рожают на века молодые,

Жизни для смен поколений прохожих
Всюду и всюду.

Я вижу матерей в ночи у колыбелей,
Склоненных преданно над личиками малюток.
Пусть гаснут лампы, пусть и петухи пропели,
Пусть мрак сдвигается неумолим и жуток:—

Они влюбленно,
Они безсонно,
Баюкать будут, пока уснет

Их нежный крошка,
Разсвет в окошко
Для них нежданно зарей блеснет.

Вот матери кормят грудных ребятишек,
Окруженные стаей подростков детей,
С головой одуванчика светлых полей,
С глазами зверьков, милых мышек.
Вижу затихших, внимательных,
Зачарованных сказкой,
Тайны разглаской.
На маму глядят суевернее всех суеверных,
Перезвон слыша слов обаятельных,
Слов нежных, уверенных, мерных.

Вижу, как матери учат молиться детей.
Так учили пророков, подростка Иисуса,
Спартака, Франциска и Гуса,
Каляева и Гарибальди,

И всех, кто погиб под ударом плетей
На асфальте,
На виселице за свободу, равенство, братство.

Нет больше богатства,
О, мать,
Нет больше искусства, как дитя воспитать!

Художник, скульптор, композитор, поэт и философ,
Архитектор, актер,
Напрягают и руки, и взор,
И мозг гениальный в разрешеньи вопросов,
В минуты прозрения — создавать.
А мать,
А великая мать?

Как творит, как трудится она,
Какие прозренья,
Какие видения,
Воплощает в ребенке она,
Сколько дней и ночей проводит без сна,
Сколько дум, вдохновений о нем и о нем!

О, женщина-мать,
Что страсть и любовь спаяла огнем,
В них себя растворив навсегда и опять!
Твой ребенок — бессмертная слава,
Живая скульптура, картина, поэма живая,
Он — слово, симфония, жизнь огневая,
Он — истина вьаве,
Он — Все!

Ты и он,
Ты и он—единое,
Заковать вас железом, цепей паутиною
Удастся ль кому, когда каждый на бой снаряжен
За счастье и право,
За небывалое,—
За диктатуру алую.

Так привет твоей страсти, любви ненасытной,
Напряженным грудям, неистовству чресел,
Привет всем, кто нежен, кто весел,
Здоров первобытно,
Кто мудр,
Всем привет!

1915 г.

С ПЛАНТАЦИЙ.

С плантаций свеклы, табака и хлопка,
Раскинутых по склонам гор,
Рядами гряд, как дорогой ковер,
Поденщицы спускаются галопко
Со взлобка,
За хором хор.

На пляж морской омыть соленость пота,
Сменить белье, сорочки, юбки, блузы,
В пыли, обветрены, черноволосы, русы,—
Сегодня светлая суббота.

Усиьем мускулов сковав себе целковый,
За целый день горячий, как мужчина,
Идут на пляж, а море—ни морщины,
Обогнутое гор гигантскою подковой.

На ровном берегу, близ пенной оторочки,
Их тысячи, как в день днепровского крещенья,
Вот обнажаются без страха и смущенья,
А солнце, накреньясь к закату, золоченье
Кладет на их тела, на снятые сорочки
У ног, как пены вороха.

Сердца без пастуха,
Сердца, огней комочки,

Мужские сердца, как весенние почки,
Встрепенутся от власти святого греха,
От тысяч нагих желаний насыщенных тел.
Здесь предел
Непорочности, женственности, красоте.

Точно толпы скульптур,
Гибких, малых и высоких, стройных
Девичьих фигур,
С мускулами на руках — повыше локтей,
С округленностью сильных упругих грудей,
Чресел спокойных,
Выносливей плеч, шире плеч беспокойных мужских.

В лучах огневых
Руки подняв, раскинув, точно об'ятя
Солнцу, —
Делают шаг, разбег, размах
К воде, как на ложе безудержного целованья
А оно золотое, закатное, любую поденщицу
Отлило на песке в подобье креста, распятье, —
В прообраз страданья,
Девятнадцативечного горя впотьмах.

Животным вековым была ты у мужчины,
Запряженная в плуг, под взмахами кнута,
Рабыня робкая в труде сгибала спину
Со стонами запекшегося рта.
Закована броней предрассудка,
Ты человечества слепого черепаха,
О землю головой ты билась жутко,
Тебе земля была, как плаха.

Века обозом бесконечным шли
В тоннель воспоминаний и забвений,
И каждый, точно злобный гений,
Иссохший схимник, пилигрим земли,
Склонялся над тобою суетливо,
Чтоб лишний раз связать,
Чадру метнуть на лик земно-красивый,
Грудей разлеты заковать в кольчугу,
И чресла на замки в отсутствие супруга,
Чтоб ты была ни женщина, ни мать.

Казалось, что детей откажутся рожать
Твои заглохшие, потухнувшие чресла,
Грудь не зажечь, грудь не расколыхать,
И ты, как женщина, как мать,
Исчезла.

В ночи, застенках беспросветных истин,
В громах небытия,
Где каждый день бездумен, ненавистен,
Ты, чувства осторожно затая,
Оттачивала ум, как ту пилу,
Что узник точит сбросить кандалы,
Жила подобно кроткому волю,
Летая сердцем, мыслью, как орлы.

А ныне ты не Дьявол, не Змея,
Ты женщина, ты человек и выше,—
Ты Человека Мать.
Его душа,—душа твоя,
Твоей утробы, неразгадной ниши,—
Он выходец, неистовая чадь.

О, всем, вам всем, кто здесь на берегу,
Кружу вам вихрь моих безумных слав,
В извивы строк я молнию вожгу
И ураганный гул дубрав.

Полыхают кресты соборных глав,
Погружается солнце в зеркальное море,
Расстилается ночь на его просторе,
Я вам вихрь кружу безумных слав.

Слава солнцу зениц ваших глаз,
Слава золоту солнца, загару на ваших лицах,
Слава зорям губ, где утра и вечера час,
Слава грудям, двум чашам с вином горячим,
Слава чреслам, укравшим огонь Прометея,
Слава телу всему в крепких мышцах,
Что, страстью лютея,
Любовью живет, счастливым плачем.

Сегодня суббота,
Омытые, свежие зазовете, кто вам люб,
И впечатаете свои пурпур губ
В поцелуях без счета.

Ныне вас никто не осудит
За огонь любви в сердцах,
Пыл борьбы, пыл пола остудит
Разве место кровавое плах?

В погибели,
На дыбе ли

Застынет
Любовный об'ятя взмах?

Там, быть может, минет,
Но не ночью весенней, в лунных лучах.

1914 г.

В. С. М.

ЖЕНЩИНЫ.

Вас, огненных, нежных, славлю и люблю,
Я такой же. Лютея,
Свое сердце огнем кормлю,
Но призваны вы родить Прометея.

Прометея зачать
И родить,
И грядущему скованного расковать.

Кто хочет в себе материнство убить,
Струны золотые навек порвать,
И молчать?

Кто не в силах страстью гасить свой стыд,
Кто не может забыть в поцелуе весь мир, нужду,
За отдачу боится снести несчетность обид,
За дитя быть казненным, быть в аду,—
Тот должен убить
Материнство в начале дня,
В том нет святого огня,
Тот не должен любить.

Тот не может любить,—
В разрушении он наслаждение найдет,
Сокрушая вправо и влево,

Взад и вперед
Без гнева.

Вас, огненных, страстных, славлю и люблю.
Я такой же. Лютея,
Свое сердце огнем кормлю,
И тоже создам „Прометея“.

И когда потухает заря заката,
Загорается наша заря,
Пурпурная страсть.
Сердца, сорвав свои якоря,
Устремляются с неба огонь украсть, —
Стихия огня несказаннее злата,
Драгоценней сокровищ ста Соломонов.

Вот замолкла земля в объятьях, симфонии стонов,
Сумерек алых,
Колыхаясь, как грудь океана.
Точно лодки на пенных гребнях трепещут странно,
В разгулявшихся шквалах, —
Влюбленные пары в огне непогасном,
Красном грехе и страстном,
На ложах.

Одне в поединке острых ласкательных чар,
Другие в решительной сдаче порыву безумья,
Третьи сплетенные, насыщают знойность самую,
Те распластаны, пепелище, где был пожар,
В улыбках счастливых, хороших,
На ложах.

В эти мгновенья
Меж любой и любым, меж двоими,
Есть третий невидимый, чье не названо имя,
Не рожденный еще, но уже откровенье,
Он присутствует в мускулах, буйном пульсе,
Двух сердец похищает небесный огонь,
В тот миг, как счастливит сладкая сонь,
Как плавит в экстазе любовных конвульсий.
Меж миллиардов двух есть третий, —
То зачатые дети.

Милые дети,
Зарево ласк лежит на вас,
На стыдливо очерченных веках,
В смущенных украдках лазоревых глаз,
В благороднейших линиях губ на свете, —
Наших ласк блаженство на вас грядущих неких.

Милые дети,
Вы — это вновь рожденные мы,
Пришедшие расшатать решетку тюрьмы.
Наших корней
И стеблей —
Вы цветы,
Вы зеленая жизни атава.
Новорожденным слава.
Подрастающим слава.

1915 г.

ВАМ.

М. С. Козловой.

Как черные и белые рабы
Упорных мышц, выносливей обуха,
Развили мощь взамен живого духа,
В труде склоняя сумрачные лбы,—

Так вы, порыв стремя, как Тантал некий
Алкая, жаждая, в руках мужчин века,
Свой закалили дух ударней кулака,
Но мышцами,—прекрасные калеки.

А тело малое без мускулов, без мышц,
А тело хрупкое огонь своей валгаллы,
Тот пламенный и алый,
Для битв за равноправье особиц,
Не может выдержать его на срок не малый,
С другими слить в девятый красный вал,
В пожар пожаров, чтоб гудел и ржал.

Как солнца солнц, тела должны гореть
И не сгорать,
Сиреной неумолчной звать
И мускульным трудом сверкать, как медь,
И творческим трудом звенеть,
Безумьем нежным огневить мужскую рать.

А вы худосочны, вы малорослы,
Рабством веков обезмочены вы,
Тише воды,
— Ниже травы,
А ну, за ремесла,
За олимпийские игры!

Прочь всё
С площадей, пустырей и лужаек,
Кроме солнца, ветра и зелени трав,
Здесь будет священное То и прекрасное Сё.
Атлетические состязанья и песни слав,
Посмотри и поверь прозаик.
Прочь, прочь,
Здесь будут бежать (вот бегут)
От обыденщины,
От железных, веревочных пут,
Спортсмены женщины
По всем перекресткам дорог,

Состязаньем остря быстроту своих ног,
Одна за другой, вереницей, в размахе крылатом
Туники на белых плечах, на волосах фетры.
Солнцем обласканные, как любовником, братом,
Целовать отдавая устам освежительным ветра,
Крутые высокие лбы,
Влекущие жаркие губы,
Коленочки пухлые, икры дрожащие любо,
До локтей обнаженные руки порывом гоньбы.

Прочь всё
С площадей, пустырей и лужаек,

Кроме солнца, ветра и зелени трав,
Здесь будет священное То и прекрасное Сё,
Атлетические состязанья и песни слав.
Посмотри и поверь прозаик.

Вот оне, женщины,
Рослы, грациозны и ловки,
Бросают тяжелые копья
И дротики схваткой руки и сноровки,
И диски, пламеней круглые хлопья.
Вздуваются мышцы у плеч и повыше локтей,
Напрягаются икры, означив с боков желобки,
Выделяются жилы упругих и сильных шей,—
Все в порыве, мощном размахе, красиво легки.

Вот другие
С телом упругим, белым и смуглым,
Атлетическим, медным, зачатым в огне,—
Как углем
Начерчены на полотне,—
В лодках оне,
Заняв, точно седла, кормы
С веслами в крепких руках,
Ноги в упор, чтобы выдержать буйный размах,
В гонках по заливу при солнце и в штормы.

В напряженьи все тело, означены формы,
Как шлемы груди горят,
Ширясь страстью, глаз полыхают зрачки,
Вздымается торс, выгибаться безудержно рад,
Выставляя красиво живот,

И мышцы на нем, как легкие волны вод,
Выделяются, властно влеча,
Когда лодка стремится против ветра свой лет,
А весла, как крылья, трепещут, залив разгорячая,

Прочь все
С дорог и тропинок,
Старичок, монахиня, инок,
Кто жить любит в лихе, шипеньи, грозе.

Восстали покорные матери на ненавистных отцов,
И кроткие дочери на крепостниц матерей,
Сестры на братьев, жены на мужей,
На жестоких живых мертвецов
Гневной стеной,
Окружив идеал,—
Их идеал ни ночной, ни дневной,
Факел потухший, беззубый оскал,
Челюстной,

Восстали за страх и за совесть
Средь камней, среди гравия,
За огненную великую новость,—
За равноправие,
За красоту, совершенство тела,
За творчество, жизни Дело,
Жизнь обласкать, как единую дочь.
Прочь с дороги,
Все прочь,
Будут воздвигнуты всюду счастья чертоги.

Мужчины землю своего Полушара
Тысячелетним посевом

Истошили до дна,
Полушар принадлежащий Евам,—
Девственная целина
Тясчеплодием яра.
Дорогу!
Женщины идут почву мужчин удобрять.
Мужчины, не бейте в набат, не бейте тревогу,
Пусть зерна готовит для их целины ваша рать.
1915 г.

БИТВА ЛЮБВИ.

Чьи прекрасны лица, красивы тела,
Чьи прекрасны тела, безобразны лица,
В ком любовь, как люстра, слепя огневится,
В ком страсть кричит, как на башне мулла.

— Алла-а-а!

Чьи фигуры—искусства богинь девяти,
И рвань на плечах, но движенья девичьи,
Но сердце—нежность, и разум—величье,
Кто взывает, зовет зноем рук оплести:

— Приди-и-и!

Чьи веселые души, как пляска вразгон,
Со смехом звенящим, волшебным как сказка,
Чьи души, печальная горя повязка,
Вздохи, точно груди гробовой перезвон.

— Дон-и-и!

Все, все,
Сколько есть, кто услышит зов мой,
Кто безлюбым тигрино грызомый,

На постели в огне,
Горячей росе,
Положен на смертном застыть колесе, —
Ко мне, ко мне.

Я взошел на Фавор с вами преобразиться,
На последний уступ горы я взошел,
Вас видеть со всех концов, ваши лица,
Фигуры, походку городов и сел.
Солнца радостью, чище росы, любиться
Будим наравне.
Ко мне,
Ко мне, ко мне.

Я знойный день огневого июля,
Многоцветного дивного Кавказа,
Приходите без тюля,
Быть наедине,
В туниках из газа, —
Ко мне, ко мне.

„Женщина и истина сильнее всего в мире“
Говорит мудрый Ездра,
Пусть будет он прав три раза, четыре,
Пусть прав будет Ездра,
Тем лучше, я их люблю,
За истину душу свою загублю,
Два сильных тела, как два мощных оркестра,
Два великих духа, два огня, два маэстро,
Будим жизнь творить не на полотне,
Не из мрамора, —
Но основ, элементов прамира,
Из огня и духа. Ко мне, ко мне.

Ударят два сердца, как два барабана,
Два вырвутся страстных стона, как звуки на скрипках,
Два кольца, два об'ятья опьянят допьяна,
На ложе, в огне,
В сплетениях гибких.

Ко мне, ко мне!

Вас зову, полыхая пожаром солнца,
Любви ураганит страсть.
Женский мир поднялся, как войска Македонца,
И уже предо мною не малая часть.
Вот вы,
Хороводом прекрасным, нагим, сладострастным,
Вкруг меня, вкруг солнца, планетами плавно кружитесь,
Я ваш муж и певец, беспримерный витязь,
Судьба новый мир создать ныне даст нам,
Симфонию звуков острийных
Сил стихийных,—
Разбушеванных грудей желанием властным.

Вкруг солнца полет
Огненосных светил,
Вкруг меня хоровод
Несказанных сил.

Вкруг меня хоровод
Огненосных тел,
Нежный рот
Ало спел,
О, любой,
Я тобой,

Я тобой захмелел.

Мой бесчинный
Уст раскал,—
И невинной,
И кто пал,—
Поцелуй
Вас не все
Заколдуют ядом жал.

Пыл разверзло
Пламя губ,
Чреслам чресла,
Кому люб,
Двум едино,
Двум невинно,
Неостынно зной сугуб.

Вот ласкаю
Смуглый стан,
Светлый—маем
Обуян,
Розов—стынет,
Но не минет
Страсть, кто ею не был пьян.

Хоровод.

- Будь грабителем, ограбишь?
- Наслажденьем наградишь?
- Прилетели, как на шабаш.
- Слушай тишь.
- Слушай тишь.

Слышишь крики, гулкий топот.
— Это страсть бегут избыть.
— Напряженья кто накопит,
— Их желанья погасит.

— Не зови их, не зови.
— Плоти им не огневи.
— Душы их — пустоты ниш.
— Ты узришь.
— Ты узришь.

...Вижу бегущих
С востока и запада, севера, юга,
Угрюмо вперив глаза в одну точку.
Толп толпы минуя, отдельно друг друга
В беге икры ног обнажая, полоской сорочку,
Любовью насыщены, сосредоточены,
Распаленные страстью бесстыдной,
Как пожар, ненасытный,
Обгоняя, готовы дать небыстрым пощечины,
Ударит хлыстом, плетью.
И слышится дикий крик первобытный:

— Возьми-и-и!

Вижу первых рядов бегущих бедняжек,
С беззамужним телом здоровым,
С кровью, кричащей ревом —
Животным инстинктом упиться, пламенем ляжек,
Влеченьем неистовым, смерти сильнее, материнства.
Взмахом единства,

Отчаянья жестом,
На груди рвут гневно рубахи,
Как бывало, давно, женихи невестам,
Чтобы двум быть едино.

К р и к т о л п.

- Стала грудь одиноче плахи!
- Желанье острей гильотины!

...Вижу, вижу несчастных задних, бегущих,
Обреченных навеки застуде,
По разгулу толп, в изступленных гушах,
Меж рубах разодранных светятся груди
Как два огненных шлема распаленные страстью,
Как два огненные полушария власти,
Две дивных поэмы,
Упруго дрожат у каждой, каждой,
Напряглись первозданной жаждой,
Пылая кружками сосцов коричневого оттенка,
Обгоняя, гонясь, рвут чужие юбки,
Беспощадны, как душегубки.

К р и к и т с л п.

- Иван Филипченко?
- Ответь на крики, что острее ножей!
- Кто отнял у нас женихов, мужей!

...О, картина виденья последняя,
Ты бы лучше мельнула бесследнее,
Или вовсе исчезла.

У бегущих, дышащих тяжело, могучие чресла,
Мраморно белые, розовые, и смуглые,
Едва скрытые юбками рвани дорожной,
Как барсовой шкурой пожухлою.
Оголяются ветром неосторожно
Горячие плечи, спины, полживота,
Дыбятся волосы, космами треплются —
Как помешанные, без улыбки, мысли не теплится,
Любая и та, и не та,
Опережая, передним наносят удары в шею,
Руки сгибая, как знаков вопросы,
Цепляются в косы.
В клубы сплетаются, словно змеи.

Х о р о в о д.

Женских тел магнит — мужчина,
Мужских — женские тела,
Души, точно сиротину,
Покрывает мгла.

Семь миллионов тел мужских,
Перебиты тел войною,
Сколько мертвенно пустых
Женских душ осталось, ноя?

Видишь ужасы фигур,
Фурий, разума лишенных,
Были все в невестах, женах,
Ныне вдовы, — каламбур.

Близко женских
Душ война.

Не вселенских
Сил вина:
Строй, печальный —
Социальный
Битву их зажжет со дна...

Не зови,
О не зови,
Им любви
Не огневи,
Черной мордой,
Сумрак орды
Их погубит без любви,

Три миллиона
Женских душ
По наклону
Пали уж,
И погибли.
Речи библий...
Ездра — есть нелепый муж.

Б е з у м н ы е.

— Возьми-и-и!
— Убе-е-й!!
— И-и-и!!!
— Э-э-й!!!

... Да, меж ними война началась, —
Всестороннее приспособление нраву мужчины,
Как рабочие к новой системе машины.

Немногим удастся нежную вязь
Из двоих сплести
От своей, до его кости, —
Дарованья ежеминутной данницей,
Красотой, добротой, здоровьем к нему стремясь.

И сколько, сколько одиноких останется.
Побежденная станет странницей?
Дашь милостыню любви, возьмет?
Не дашь, уйдет
И — умрет.

А павших схоронит бульвар
В волшебстве огней.
В безумстве продажных чар
Наших дней.

Побежденным привет!
Ко мне!
Ко мне!
В любой стране
Загорается Дружбы свет.
Вам привет.

Близятся дни иные, —
Когда каждый мужчина подругу по нраву,
Каждая женщина друга, при Демократии,
Себе изберет в ореоле славы
Для радости, счастья.

Возлюбленная — станет доли своей амазонкой,
Возлюбленный — доли своей алым витязем.

Прикрепляя полотнища красные к вытесям,
К шестам флаги красные с песней звонкой,
И— в бой,
Не на крестный ход со свечами,
В бой с палачами,
С железной судьбой.

Гимн битвы иной и страсти,
Гимн материнства, отечества,
Зазвучит всеземный гимн человечества,
Принимая тело и душу любви в огневом причастии.

1916 г.

ЗОРИ ВЛЮБЛЕННЫХ.

Приходите, какие вы буднями есть,
Без особых убранных, умываний, причесок,
Не они прекрасны, а пламень, что зноен и бросок,
А тело, уханный роз лепесток,
И любовь, — пурпурный рок.
Приходите, какие вы буднями есть.

О, идите, идите крылато,
С сердцем, комочком огня, как звезда.

Уж на небо выходит за чередой череда
Звездная, зерен безчисленных злато,
Отраженье сердец,
Вспыхнувших здесь, на земле,
Зажженных любовью, об'ятными жарких колец,
Опьяненных влеченьем, как влагою грозною,
В золотистой весенней догорающей мгле.

В каждой деревне на задворки и гумна,
К плетням, от хмеля зеленым, и старым калиткам,
Тихо, бесшумно,
Бессильны противиться огненным пыткам,
С бледностью мертвенною на лице,
Крадутся девушки, парни —
Встретить простертые руки в заветном кольце,

Что камнями горит при звездах светозарней,
Что вспыхивает, как огниво,
Как поцелуй в миг порыва.

Вот из сел, бесчисленных радостных сел,
В свете, млечном лунном свете,
Точно дети школ.
Любовью не сытые, возмужалые дети,
Парами идут за жилые черты,—
В леса, на луга, серебро ковыля,
И дальше, где стонет земля,—
В города.
Как сомнамбулы, чужа объятья и зной наготы,
Как сомнамбулы, замороженные сумрачной страстью,
Раскаленной, зовущий к счастью,
Где „он“ иль „она“ —туда.

А вот города, озаренные светом багряным,
В ожерельях шаров золотых, электрических,
Ореолах сияний,
Здесь в запахе пряном,
Миллионы любвей огневых, магнетических,
Миллиарды пылающих знойных желаний,
В сплетении странном
Ощущают влеченья экстаз.

Вереницами лиц, огневых, горячительных,
Лиц страстных, нежных, мятежных, мучительных,
Безудержной молнией расширенных глаз,
Губами губительней капель анчара,
По сторонам тротуара,
Переулков и улиц, кулуаров театра,—

Влюбленных кадры
Двигутся толпами, томны и зыбки.
Всюду улыбки,
Как звезды, улыбки,
Тела совершенней скрипки,
Мелодьями стонут тела,
И скрывает их тайно полночная мгла
Для сегодня и завтра.

Земля, как постель новобрачных,
С несметностью пар женихов и невест,
В сумерках сине-прозрачных,
Под балдахином с алмазами звезд.

Города, деревни и села
В эту ночь—любовные нивы,
Спелы, томны, странно ленивы,
Ветром желаний склоняются долу,
Где любой стебель—звучная страсти виола.

Чресел, разволнованных огненной страстью,
Ноги не держат,
Как буря, что сосны и ели по взгорьям вержет,—
Страсть пары повергла на ложа друг другу
В объятья.
Пламенному бесконечному счастью
Сыграть в Песне Песен безумную фугу
В минуты экстаза, огневого зачатия.

Вся земля—
В обнаженных объятьях, стучащих сердцах,
Раскаленных сплетенных телах,

К Полушару прилипших, как ракушки к дну корабля,
Плывущего в сумерках вод.

Как в час непогод
В океане белеют на гребнях барашки, сверкая,
Выгибаясь, шумя,
В сумерках по земле от края до края,
Пены белей шевелятся, ласкаясь, тела, —

То живет молодая
Рабочего мира семья,
Демократия в эту ночь зацвела.

Слава твоей жажде невестовства и жениховства
Жажде материнства, отцовства,
Жажда сильных детей и здоровых,
Слава твоей любви в проявлениях новых.

Слава желанью отцом быть любого ребенка,
Слава хотенью быть матерью каждой малютки,
С глазами синей незабудки.
Слава той, кто сестрой для всех быть готова,
Слава, кто в товарище видит товарища снова,

Всем, на свиданье пришедшим, слава,
Посетившим друг друга, слава.

1915 г.

МОЯ ПОЭМА.

Мои ночи с тобой,
Моя Нина,
Не остыну
Мощью, одержимостью, выступим в бой
За тебя, за счастье, за Демократию.

За тебя,
За грядущую долю России,
Быть может умру, пламенея, любя,

Ты на руках у меня, счастливей ребенка,
В тунике ночной, безрукавной,
Твой смех, как звон жаворонка,
Так явно
Ласкает меня,
Горячит, как шпоры коня.

На сгибе локтя моей левой руки
Твои плечи и голова
В сгибе правого, скрытые лишь до коленка,
Ноги, слоновой кости прекрасней.
Над ртом твоим сочным шепчу я слова,
Желанья, поступки, как буря весною дики,
Тебе не целованной, я, Иван Филиппченко,
Хочу быть поэмой, былью и огненной басней.

Ты на руках, в огневой колыбели,
Томно запрокинула шею,
Косы, как змеи,
Чуть шевелятся складки туники на теле.

С тобой углубленной, грезящей, грезовой,
Ношусь я по комнате сказочной, странной,
Свет ее розовый,
Аромат пряный
И розова ты,
Горяча, ароматна,
Как лавра листья,
Тебя я ношу туда и обратно.

Тонкая ткань
Твой означила стан,
Нина, я пьян,
Нина, близится грань.

Тканей не вижу,
Лишь тело атласное,
Смуглое, властное—
Ближе, ближе.

Как шлемы горят твои дивные формы
Вздыбленных круглых грудей,—
Я срываю все скрепы снастей.
Все ветрила,
Кормила и кормы.

Губами впиваюсь
В груди твои,

О, их не тай, не тай,
Маясь.

Вжигаюсь в коленки,
Близок безумью,
Не сдержат застенки
Страсть самумью.

Огонь голубой
В твои губы мечу,
Эту ночь хочу
Быть с тобой, с тобой.

Нина, Нина.
Счастье поэта,
Мы до рассвета
Будем едины.

Я отдам тебе мускулы, силу, свой ум,
Свой талант,
Свою страшную волю.
Я буду твой Дант,
Я спасу твое тело от черных чум.
От грубых обид твою знойную долю,
Я спасу твое имя от вечной смерти,
Я зажгу его в книге, как небесной тверди
Утреннюю звезду.

Нина, я в бреду,—
Раздвигаются комнатки стены
Справа и слева,
Простирается даль без границы и края,

Равнина, залитая золотом мая,
Мы бежим, мы бежим из тусклого плена,
Мы первые люди — я Адам, ты Ева.

Мы сделаем землю прообразом рая
Для всех, кто наш, кто с нами, за нас.
Уж близится час,
Уж вспыхнул рассвет, загорелась заря золотая
Равенства, братства,
Будет богатство
Будет и счастье, будет наш дух, не сгорая,
Мыслью гореть.

Нина, дорогая,
Чье тело крепко, как медь.
Ты на руках у меня, в огневой колыбели,
Вижу губы твои и груди и чресла,
Вижу, как застенчивость бездны разверзла,
Как страсть — желаний кружит карусели.

Я буду твой Дант,
Будь моей Беатриче,
Отдай все величье,
Все, все в мой талант,
В мою о тебе мечту.

Нина, я в бреду, —
Как два шлема, горят твои дивные формы
Вздыбленных круглых грудей,
Пусть судят меня безчисленность грозных судей,
Пусть бьют, как лодку размахи дикие шторма,
Будь, что будет, не страшен и взмах топора.

Не могу, не могу, скоро час утра,
Полыхает мой мозг и мускулы,
Раскалились уста, как железо тавра,
Ласк хочу,
А потом пусть все дни будут тусклы.

Я горящими углями, не словами шепчу.
А— а! Целую, целую.
Тебя огневую
Целую.

Будь моя,
Будь моей, Суламифь,
Будь мой миф,
Будь душой моего бытия.

—Ивик, твоя.

1915 г.

САЛОМЕЯ.

Как лань легка,
Стройна, как Саломея,
Тебя века
Я ждал надежды не имея.

И ты пришла, ее живой двойник,
Мой голос прозвенел и вспыхнул крик:

Как выразить огромность этих глаз,
Где бьется пламень, бьется черный грех,
Немой экстаз
И гулкий дерзкий смех!

Красив твой нос,
Красней кораллов губы,
Внезапней молний, гибельны сугубо.
Лишь матерью целованные губы.

Строг, сдержан, как допрос,
Как ос медвяный сот,
Как горн, горяч твой рот,
И неразгадан, как твоя судьба.

А мрамор гордого крутого лба
Пылает мыслью, как зарей стремнина,
В провалах мозга оргия и месса,—

То Нина,
Смуглый сфинкс и поэтесса.

Твой стан
Стройнее обелиска.
— Будь хан,
Я буду одалиска,

— Нет, нет,
Я буду Саломея,
Поэт,
Я пляскою сумею

Тебя, сурового, пророка,
Предтечу Слова, как орган,
Тебя безумец Иоанн,
Влюбить и умертвить до срока.

— В тебе, бессмертном иноверце,
Зажечь безудержь огневую
Я к пляске обнажила сердце.
Эх! Вкруговую!

Нина! О, Нина!
О, Саломея!
Звон окарино!
Арфы звончее!

Волосами, как смоль, ты прикрыта, прикрыта,
И крылом покрывала, крылом покрывала,
Ты прекрасна, прекрасна, чиста, не изжита,
Ни мало, ни мало, ни мало.

Знать голова моя будет на блюде,
Ты уж вертишься в огненном танце,
Два факела пламени — твои груди,
Два гребня пожара — страсти восстанцы.

Как спицы мелькают ног легких лодыжки,
Как крылышки ступни, и вся ты — улыбка,
Движенья истомны, нежны и зыбки.
Глядите, о, люди, монахи-плутишки

На гибкость, упругость, грацию стана,
На дивные линии девственных чресел,
Танец пьянит, и все огненно пьяны,
И каждый неистов, каждый весел.

Волосами, как смоль, ты прикрыта, прикрыта,
И крылом покрывала, крылом покрывала,
Сама же ты танцем не сыта.
Бис!
Сначала, сначала, сначала!

Знать голова моя будет на блюде,
Снова ты кружишься в огненном танце,
Два факела пламени — твои груди.
Два гребня пожара страсти восстанцы.
В минуту любви для меня роковую.

Эх! Вкруговую!

1915 г.

IV

МИРОЗДАНИЕ.

ЗЕМЛЯ.

Миллионы солнц во мглах тебя вскормили,
Орбитой плыть толкнули тьмы систем.
Тьмы тем
Законов на тебе застыли,
Любой — поэма мировых поэм.

Ты из безмерной голубой утробы.
Вселенной дочь, родная плоть ее.
Взяла и жизнь, и тайну бытия,
Тысячелетий малые микробы.

Тебя кольцом торжественным кортежа,
Плывущих плавно золотых светил,
Мать окружила, словно сонмом сил,
Роев роями, и любя, и нежа.

Земля, Земля,
Комок сгущенной грязи,
Сред золотых нулей — ты вид нуля,
Сред пламенных кружащихся планет.
Я на коленях в неземном экстазе
Тебе молюсь, твой сын, поэт.

Тебя люблю,
Тобою горд,

И слыша стон бесхлебных орд,
Скорблю.
Но ты вертись, вертись стремглав,
Извивом вихря, вихрем слав,—

Вдыхая день,
Дыша в лазурь,
В ночную тень,
Ночную хмурь,

На купол твой,
На звездный блеск,
На золотой
Луны гротеск.

Ты в грудь зажала
С первых дней
Блеск металла,
Блеск камней,
В чресла пламень непогасмый,
Пламень властный, всех властей.

В дымке синей, как облаке парусном,
Как в подвенечном уборе невеста,
Но уж недра в пылании яростном,
Ты за века—ни единого жеста,
Ломаных линий, орбите верна,—
Вертишься плавно
Вкуг светлого фавна,
Вкруг Солнца, любовница,—Солнца жена.

Вот вы,
В просторах немой синевы.

Ты, выгибаясь, каля свои соки,
Горячая, нежная в миг материнства,
В минуту отдачи, святого бесчинства,
Даришь ему грудь, свои смуглые щеки,
И алчное тело, летя по орбите,
А солнце в гамак, в золотистые нити,
В лучи уловляя, близнит себя,
Всей касаясь, границ не терпя.

Двести дней, двести суток всечасно
Любовник безумный насыщает тебя
Страстно.

Двести дней и ночей, двести суток,
Ты в полотнища зелени шелковых трав
С крапинками незабудок,
Как в тунику одета для светлых забав,
Для прохлад обнажив на могучих бедрах
Полоску в белоснежье альпийском, кавказском.
Рождаешь, плодишь в напряжениях бодрых,
И нет былям числа, твоим песням и сказкам
Нет конца и не будет во веки веков!

Слышится гул голосов ураганных
В исполинских диких лесах,
Необузданный буйный взмах
Валов в океанах.

В изумрудных бескрайних степях
Страстное ржанье коней, кобылиц,
Мычанье призывное юных телиц.

В пустынях песчаных, выжженных солнцем до тла,
Раздается рев рыжегривого льва,
Вой шакала, волка из рва, —
Жалоба, радость, хула.

Вот, — чу!
Слышится клетот орла,
Лебедя крик, раскат соловья,
Звон арфы, рыдание скрипки,
Дробь моноплана, простершого в небе крыла.
И песня поэта, безумная песня моя,
Иступленная, без улыбки.

Кружись Земля,
Стреми свой лет,
Мы — у руля
Мы — твой пилот,
Стремглав,
Стремглав,
Стремглав,
Стремглав,
Вращайся,
Вихрем,
Вихрем
Слав.

1915 г.

МИРЫ МИРОВ.

Нет имени тебе, пучина голубая,
Пучина черная без края и границ,
Вселенная и Мир,—часть малых особиц,
Планеты, солнца,—крох твоих любая.

В тебе блестящих точек миллиарды
Горят, как горны полуночных грез
Как искры взвитые, рой взроенных ос,
Слава поэмы Саваофа-Барда.

В пространстве страшном, скованном общеньем,
Кружишь миры, как золотую пыль,
И небо знает всех безумий быль,
Всех буйств разбег, вращенье за вращеньем.

Миров ристалище несметных, безназванных,
Где бег стремительный гудит с конца в конец,
Чертя орбиты знаками колец,
Огнем колесований ураганных,
О, небо знает первый стук сердец
Планет, комет, болидов первозданных.

Утробой было всех миров, вселенных,
Космических туманностей слепых,
Недвижных, не живых,

Праматерью безудержий мгновенных,
Толчков зачатия неясных от начала,
Толчков и трепета, кого за тем рождало
Ты на бессмертье, на века веков.

Как пеленой прозрачных облаков
Безмерной нежной, тоньше паутины,
Недвижней зеркала спокойных вод,
Которой скрыт порой небесный свод, —
Так глубь необозримая пучины
В пространстве бесконечном, нераз'ятом,
Стремя без перерыва атом в атом,
Первичной массой, дикою порфирой
Оделася для огненного пира.

Небытие, молчанье и пустыня.
Бойтся время крылья развернуть,
Не смеет ни единый мир сверкнуть,
И ни единый не рожден доныне.

Но вот, как облака в миг урагана,
Как воды океана в бурный шторм,
Пучина за клубилась странно,
Без форм.

Первичная туманность сонно, косо
Висевшая мильон миллионов лет,
Метнулась, ожила,
В безумье впала, в бред,
В круговоротный хаос перешла
Величественна, дивна, огненосна.

А веков миллионы текут и текут.
И кому их считать, кому?
Как верблюдов череда сквозь пустынную тьму,
Как верблюды, которым копыт не спугнут
Ни песок без конца, ни львиные крики.

Вот в пучине материи дикой
Закружились громады воронок,
Так в час гребневых исполинских гонок
От весел по влаге провалы кружатся.
Вселенной колеса,
Дугами изогнув бесконечные спицы,
Без окружностей четких, в охвате хаоса,
Там и там ураганно стали вращаться
В виде невообразимо громадных зерн чечевицы.
Так в небе осеннем, тучей, пернатая стая,
Молниеносно вращается, яростно грает, выюжит,
Величественно с края в край всей массой кружит,
Хороводом стремительно солнце пересекая.

Но веков миллионы текут и текут,
А кому их считать, кому?
Как табун карабахов без пут
Пролетает без узд, вереницей один к одному,
Вздыбив гривы в степи, без оглядки назад.

Вот грандиозного пламени шарообразные клубы
Бездну бороздят,
Еще не миры, не приюты для жизни, а срубы,
Вертясь вокруг себя, грохочут, свистят.
Мировые колеса
От ободьев отбрасывая, как грязь огневую,

Грядущих бесчисленных спутников хоры,
Ныне комья пока, туманностей осы,
Даже не метеоры
Кружатся, ликуя.

Вереницей века текут и текут,
Как полков победная рать.
В ногу с ними,—верней их шаги считать,
Тот, Кому занесли они вечный приют,
Тот, Кто больше веков, Человек.

Вот по орбитам свершают свой лет
Золотые Шары.
Как бесчисленный флот,
Плавают звездные в небе миры.
Медленно, плавно, как вселенская люстра
Со свечами вращается, мигая приветливо, шустро.
В отстроенном храме,—
Кружится миров пестрота.

Точно люстра по мановенью перста
В дыме ладанном, воскуренном издавна,
В облаках вращается плавно,
Каждый пламень для света выслан.

Всюду план расчищен, распутан, расчислен,
Всюду гармония и красота.

Нет имени тебе, о бездна голубая,
Пучина черная без края и границ.
Вселенная и Мир—часть малых особиц,
Планеты, солнца — крох твоих любая.

1915 г.

РАССВЕТ.

Рассвет, рассвет, скорей вставай, багряный,
Так страшно без тебя и холодно вокруг.
Ночных часов чреда, как коней черный цуг
В разбеге пагубном метает крик гортанный.

Бросает в бездны гул и радостное ржанье,
Что Землю знойную ночь ослепить могла.
Что ночь простерла черных два крыла,
Заворожить просторы мирозданья.

Ты небо обагрят века веков,
Как сумрачным безудержным пожаром,
Как морем окровавленным и ярым,
Пылал сполохами над стужей вечных льдов.

Ты первый посетил рожденный в бурях Шар,
Лицо Земли из мрака светом высечь,
И тысячи неисчислимых тысяч
Веков, гоняя ночь, ей шлешь удары кар.

Ты видел все:
Болезненно по всей Земле,
По Ее смуглому младенческому телу
Росло и тлею

Войско вулканов, точно волдыри,
Точно кротовины средь полей,
Окрашенные пурпуром зари.

Вот они, —
Тобой озаренные вдруг
Дымятся,
Как трубы городов, деревень и сел, о, взгляни!
И грохочут, как множество множеств тысячезвучных фуг
Под рукою титана, безумца и святотатца.

Вот волнуясь, вздымаются океаны до самых небес,
Соединяясь, мешаясь с извивами, поворотами облак,
Как неоглядная льдина — Земли ломается облик,
Громоздятся пласты на пласты (жестокий процесс).
И воды и материк
В буйном припадке тоски.

Вот меж гор
Небоверхих, скалистых.
Утесы в греющихся исполинских глистах,
Отвратительных черных удавах,
Пресмыкающихся в чешуях корявых
С черепами приплюснутыми, громадной величины,
Но бояться некому: все страшны.

Из бездн по взгорьям и скалам,
Из мглистых пропастей
Ползком грузным и вялым
На животах,
Они вереницами тянутся вверх на припеки лучей.
Поводя головами с шеями длинными и без шей,
С безмыслием в неподвижных глазах,

Катя из из-под лап камешки вниз,
Вздымая пыль, как дым,
Под ноги другим,
Шипят, свистят, как бриз
В гигантских морских камышах.

Вот Земля в ледниковой коре застыла,
В шлеме ледяном, чалме араба.
Как исполинская, на солнце сверкающая черепаха,
Как жадная неподвижная жаба,
С размаха
Жизнь Полушара убила.

Ни провала нигде, ни ухаба,
Все сравняла, слила ледяная броня,
Блещет слепительной стужей огня,
Полыхает на солнце, как надмирный щит,
Пол-планеты
При зареве красном рассвета.
Как страшно, как тихо, все молчит.

Вот земля, абрикос межпланетный зеленый,
В лесах, степях, дугах и нивах,
В океанах, морях, речных извивах,
С стаями птиц, точно туч изгибы.
Пятнами стад, покрывших долины и склоны,
Игрищем на глади водной рыб.

То не гул ураганный на ней.
Не крик труб о земном величьи,—
Граянье птичье,
Ржанье, мычанье, рев зверей,
Звон водный от рыбьих плесканий.

Чу! Зарей рассветной ранней
Зазвучала речь человека,
Не слышима миллионы веков,
Вот песня у огня очагов,
Гимн творит Иерусалим и Мекка,
Слышится свист размаха, удар топора,
Стук молота в камень и по металлу,
Строятся города, начал начала,
Страда скитаний.
Огневая пора.

Буря рыданий.

Неистовство скрипок, виолончелей в театрах,
Как дикая буря меж сосен и елей в Татрах,
Гром поездов с золотой драгоценностью даней,
Громыханье, визжанье мажар,
Хрип автомобилей, безумен и яр,
В небе аэропланы кружат,
Слышится плач обездоленных масс
Всех расс—
И восстанья набат.

О, рассвет, рассвет встает багряный,
Как веер золотой огня,
Как вздыбленная четверня
Коней запряженных титанно,
Диск солнца вымчать из ночи.
Заря, лучи,
Начало дня.

1916 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр
I. ТЫ ПОБЕДИШЬ	
Ро-Со-Фе-Со-Ре	9
Ты	12
Голова	15
Краснозвездная	20
Бой барабана	23
Почти легенда	26
Беднота	29
Буря	33
Кабак и храм	35
Лично я голодаю, раздет и разут	39
Демократия	40
О тебе Одессею спою	41
Эта книга—отдельные звуки единой	42
Эта книга	44
Я простой рабочий	45
У меня ни жены, ни возлюбленной	46

II. ЭНТУЗИАЗМ ТРУДА.

Ткачи	49
Города	54
Дороги	63
Руки	74
Поэма славы	96
Массы	137
Кузнецы	141
Праздник солнца	145
С работы	148

III. СИМФОНИЯ ПОЛА.

Мать	153
С плантаций	158
Женщины	163
Вам	166
Битва любви	171
Зори влюбленных	181
Моя поэма	185
Саломея	191

IV. МИРОЗДАНИЕ.

Земля	195
Миры миров	199
Рассвет	203

9911 17520

1250

